

Лариса

Космос

ЛАРИСА

Неслучайная встреча

Лариса Райт

Неслучайная встреча (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Райт Л.

Неслучайная встреча (сборник) / Л. Райт — «Эксмо», 2013

Судьба сводит именно с тем, кто тебе действительно нужен. Возвращаясь от подруги, переехавшей в Испанию, Тося оказалась в самолете рядом с Егором, именно его она так пламенно любила двадцать лет тому назад... Константин, успешный пикапер, встречает девушку, которая представляется ему легкой добычей, однако на поверку оказывается достойной противницей... Все истории, составившие этот сборник, необычны и парадоксальны, все они – о неслучайностях, которые бывают в нашей жизни.

© Райт Л., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Бенефис	5
Коллекционер	15
Китайская ваза	28
Самый лучший день	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лариса Райт

Неслучайная встреча

Бенефис

В квартиру набилось столько народа, что даже у людей с крепкими нервами могла бы развиться клаустрофобия. Между тем входная дверь все еще была открыта, и гости продолжали проскальзывать внутрь, выискивая свободные сантиметры пространства. Счастливики из первых рядов уже успели разбиться на группы по интересам и негромко переговаривались, ожидая приглашения к столу. Между ними ухитрялись ловко лавировать три девушки, бережно пронося из кухни в комнату блюда с бужениной, копченым балыком и неизменным салатом оливье.

Из ниши у занавешенного зеркала долетали обрывки фраз:

- Она могла бы еще...
- Товарищи, а где собака?
- Говорят, собиралась и восемьдесят пять справлять.
- Забрали Дворецкие.
- Самим бы дожить.
- А кто у них там гуляет? Бабушка?
- Доживем!
- Нет, бабушка уже полгода как с инсультом слегла. Младшая дочь.
- Всего каких-то лет тридцать...
- Младшая? Да что вы? Одна с овчаркой? Сколько же ей?
- Еще повоюем.
- Уже девятнадцать. Да вон она. Нет, не эта! Вон та, с бужениной.
- Как летит время!

Чуть в стороне, привалившись к отжившему свой век комоду, дородная женщина с мясистым лицом и юркими хищными глазками шептала на ухо собеседнице:

– Ваши георгины были просто восхитительны. Они так шли ей... – Кружевной платочек неторопливо продефилировал из-за кружевной же манжеты к сухим векам.

– Низкорослые «Гэллери», – смущенно пояснила отхватившая комплимент шербатая дама и торопливо добавила: – Но они ничуть не уступали вашим розам.

– Ах, полно! – хищные глазки потупились всего на мгновение и тут же снова ринулись в бой: – Цветов вообще было много. И хорошо, что в основном красные. Они чудесно сочетались с полировкой. Как думаете?

– Согласна. Я только не разобрала, что за материал?

– Говорят, американский кедр.

– Да что вы? Откуда такие средства?

– Накопления, – убежденно сообщила владелица платка. – Частные уроки-то в свое время доход приносили, а она не тратила.

– А на что же жила тогда? – недоверчиво скривила губы шербатая.

– А может, кто из родственников раскошелился, – встрял в диалог бородатый мужчина в засаленном старомодном костюме.

– Увольте! – ничуть не тушуясь, оборвала его любительница георгин. – Эти за копейку удавятся. Мы же с ней двадцать лет дверь в дверь. Сколько народу хаживало, а никто ничего путного не приносил.

Кусочек батиста суетливо путешествовал по вспотевшему лбу.

– Боже! Какая духота! Как я все это выдержу! – чуть слышно бубнила его обладательница. Она поднесла кружева к носу, шумно высморкалась и вздохнула намного громче: – Горе-то какое!

Из прихожей донесся хлопок закрывшейся в конце концов двери, и тут же раздался чей-то зычный клич:

– К столу! К столу!

Еще минут десять потратили на распределение мест, обсуждение майонеза в салатах и фотографий на стенах. Наконец утомонились, утихли. Кто-то спохватился:

– Рюмку! Рюмку забыли!

За рюмкой побежали к дальним соседям, у ближних одолжили заранее. Наконец накрытую хлебом емкость водрузили в центр стола, выпили не чокаясь, тут же принялись разливать по второй, смущенно поглядывая друг на друга, молчаливо спрашивая, кому же следует начать. Кашлянув, приподнялся грузный мужчина, назвавшийся ректором какой-то аббревиатуры:

– О достоинствах нашей Симочки можно говорить долго...

И он был прав. «Достойна только та жизнь, которая прожита ради других людей», – сказал однажды Эйнштейн, а Серафима Сергеевна Новицкая повторяла эти слова чуть ли не каждый день, сколько ее помнили окружающие. Услышав эту фразу однажды от старшего мастера сборочного цеха, где работала двенадцатилетней пигалицей на спешно эвакуированном в Полевское машиностроительном заводе, она превратила ее в своеобразный факел, осветивший ее долгую жизнь.

Вернувшись в Москву незадолго до окончания войны, юная Сима, всматриваясь в голодные глаза измученных четырьмя годами горя людей, с удивлением обнаружила, что одно только общее ожидание победы уже наполняло лица одухотворенностью и лихорадочным счастливым сиянием. О! Если бы могла она заставить кого-либо испытывать столь живые эмоции! Как бы хотела она научиться растворяться в ближних, отдавая всю себя без остатка, не размениваясь по мелочам и не фальшивя! Какая волшебная палочка могла ей помочь в этом?

Ответ пришел с плаката, на котором восхитительная Серова самозабвенно ждала того, кто обещал вернуться. На хрупкие Симины плечи со всей мощью обрушилась великая сила искусства и погребла ее под собой на долгие семьдесят лет. Дарить себя другим стало своеобразным девизом ее жизни, которому она следовала неукоснительно и репетируя до изнеможения этюды под лестницей театрального училища с представленным к отчислению однокурсником, и наскоро расписываясь с ним в ЗАГСе, когда его все-таки отчислили, и разводясь, когда пришла пора отправляться согласно распределению в Пензенский драматический театр. Любая возможность присутствия на сцене даже в те первые годы работы, когда оно ограничивалось сакраментальным «Кушать подано», рассматривалась как прямое воплощение в жизнь установок великого физика.

Шли годы, монологи удлинялись, Пенза вместе с любовником-режиссером осталась в прошлом, откуда Сима забрала в настоящее лишь приобретенное от жизни в холодном бараке бесплодие. На горизонте забрезжил Питер, за которым все отчетливей просматривались огни Москвы. Возвращающиеся в столицу актеры старались попасть в тот театр, что погромоглачнее, а она грезилась о том, что вмещает больше всех посадочных мест. В театр с внушительным зрительным залом ее охотно взяли. Труппа испытывала недостаток в характерных возрастных актрисах, и хотя персонажи Новицкой чаще всего были малозначимы для пьесы, второстепенность ролей поначалу угнетала ее не слишком. А когда начала угнетать, оказалось, что возможностей для реализации ее талантов практически не осталось. Роли Раневской и Кабанихи никто отдавать не собирался (у столичных режиссеров давно уже имелись другие музы), а проходные фразы матери главной героини не находили отклика в зале. Времена, когда смех или всхлип зрителя, вызванные ее игрой, оправдывал достоинство ее земного присутствия, прошли безвозвратно.

Попеняв на смысл своего ставшего бессмысленным существования, Серафима, к имени которой к тому времени уже прочно приклеилось отчество, окунулась в водоворот общественной жизни. И сделала это с той живой, неудержимой энергией, что свойственна преимущественно смотрящим вперед цельным натурам, сравнительно легко переживающим неудачи прошлого. Из-за кулис переместилась она в кабинеты парткомов, обкомов и других комитетов, распределяющих земные блага. Квартиры молодым театральным семьям, редкое лекарство для заболевшего зятя билетерши, гастрольные поездки для малоимущих актеров и даже копченая колбаса в заказах – все это прекрасно обеспечивало ее служение обществу. Дни рождения обожаемой Серафимы Сергеевны справляли в театре едва ли не с большим размахом, чем именины примадонн. А дифирамбы, которые расточали актеры ей самой, а не ее таланту, примиряли в такие минуты с отсутствием бенефисов.

Мягким нравом и добрым расположением Новицкой пользовались не только коллеги, но и многочисленные родственники, разбросанные к тому времени по земному шару. Видавший виды гостевой диванчик в ее хрущевке с двумя смежными комнатами не пустовал никогда, а случались и ночи, когда в четыре кухонных метра приходилось втискивать раскладушку, где посапывал маленький сынишка внучатого племянника из Канады или храпел, заглушая телевизор, шурин троюродной сестры Светы из Воронежа. Народ в тесной квартирке не переводился ни в бытность Серафимы актрисой, ни во времена ее хождения по инстанциям, ни с наступлением демократии, которая подкосила не только систему, но и уважаемое положение Новицкой.

Новые хозяева жизни желали видеть в своих кабинетах кого позначительнее или, на худой конец, помоложе. И хотя наличие связей все еще не потеряло силу, да и вряд ли когда-нибудь потеряет, ибо магическое словосочетание «Я от такого-то» призывало открывать вожделенные двери еще во времена Римской империи, но все же... Все же Серафима Сергеевна не могла не замечать, как изобилующая разнообразием доступность хлынула рекой. Каждый желающий мог теперь приобрести, что хотел, при наличии средств, а возможность обеспечивать такое приобретение неимущим у малоизвестной, постаревшей актрисы отобрали.

Однако не в характере Новицкой было списывать себя со счетов. Спокойная, а говоря прямо, скучная, лишенная деятельности старость, разбавленная приторными сериальными эмоциями и периодическими наездами родни, не входила в ее планы. Популярность актерской профессии с каждым годом лишь набирала обороты, тысячи молодых людей страдали во двориках Щепки и Шуки, десяткам посчастливилось там учиться, а известными становились лишь единицы. Серафима Сергеевна склонна была верить, что среди последних, одаренных природой и бластных, нередко встречаются и те, кто, имея завидное трудолюбие, стараются восполнить пробелы в таланте постоянной кропотливой работой. Обладающая отменной техникой речи и чистой артикуляцией, бывшая актриса бросилась помогать молодому поколению искоренять дефекты произношения. Группа энтузиастов, поверивших в способности бойкой старушки и посещающих ее скромную квартирку два раза в неделю ради хорового мычания «бы-пы и жи-ши», разрослась постепенно до каждодневной аудитории в одном из театральных вузов, выпущенного пособия «Основы дикции» и кучи новогодних открыток от благодарных учеников. Телефон в ее доме раскалялся от постоянного наплыва желающих заниматься. Из спальни то и дело доносилась раздражающая укоренившихся в гостиную родственников монотонная переключка. «Интервьюер интервента интервьюировал», – декламировал один голос. «Инцидент с интендантом», – запинаясь, сообщал другой, а третий периодически выплевывал сплюснутый набор согласных, пытаясь произнести заданное Серафимой «Константин константировал».

Десять лет Новицкая успешно переколпаковывала колпаки, радовалась успеху студентов и пожинала плоды своего труда в виде хлеба с маслом, а иногда и с икрой, дорогих конфет и бесчисленных поздравлений с днем рождения. Мимоходом она продолжала пристраивать в сто-

личные университеты чьих-то пасынков, племянников и просто хороших знакомых. Не знаящая устали Серафима тратила дни на поиски брайлевских книг для ослепшего мужа двоюродной сестры из Архангельска или хорошего нарколога для попивающего зятя женщины, у которой когда-то ее соседка снимала дачу («Милейшая, милейшая дама! И такое несчастье...»), а ночами, бывало, покачивала коляску с орущим младенцем, которого подарил одной молоденькой дурочке шурин Светы из Воронежа в одну из своих кухонных раскладушечных побывок. В общем, она продолжала вести достойную на ее да и на взгляд всех окружающих жизнь, а посему о достоинствах Серафимы Сергеевны Новицкой можно говорить бесконечно.

– ...можно говорить долго, – повторил ректор аббревиатуры, – и вы все прекрасно знаете, каким замечательным человеком она была.

Присутствующие одобрительно закивали, заулыбались, заговорили хором, как нерадивые школьники:

- Путевку в санаторий для бабушки...
- В лагерь для Валерочки...
- Я теперь ведущая на центральном канале...
- Мой сын – студент консерватории...

Тишина долго не наступала, люди перебивали друг друга, боясь не успеть рассказать о благодеяниях, что совершила покойная именно для них. Наконец оратор смог продолжать:

– Что говорить, Симочка успела сделать столько добра...

– А сколько еще могла бы сделать... – горько покачала головой щербатая дама.

– Ужасная, ужасная трагедия, – вылез из-за манжеты кружевной платочек. – Так нелепо, что именно с ней...

– Да, – согласился ректор, – а когда это случилось?

– Кажется, года три назад, – предположил кто-то.

– Пять, – поправила младшая дочка Дворецких. – Джефу пять лет.

Щенка немецкой овчарки Серафима Сергеевна приобрела на птичьем рынке. Заводчик долго еще вспоминал странную бабушку, стоявшую в сторонке, а потом неожиданно подошедшую, молча показавшую на самого вертлявого из его питомцев, так же ни слова не говоря отдавшую деньги и торопливо унесшую свою покупку, не задав ни единого вопроса по уходу за собакой. Кажется, он даже сказал «ненормальная» или «сумасшедшая». Один черт.

Новицкая, однако, была тогда еще нормальной, чем прежде. Сложно сказать, что именно обусловило эту ее «нормальность» – вырезанное вместе со способностью говорить раковое горло или обрушившиеся на нее последствия операции. Из онкологического центра Серафима Сергеевна вышла посвежевшая, обновленная и все еще улыбающаяся. Не важно, что ее никто не встречал. Разве можно отвлекать людей от каждодневных забот: встреч детей из школы (у племянницы их трое, и вечно командированный муж в придачу), походов за продуктами (бедная сестричка Женечка, уж двадцать лет назад ушла от мужа, а все еще продолжает таскать ему еду), поездок на совещания к министру культуры (не к лицу ректору солидного учебного заведения отправляться туда на метро и присылать за ней служебный автомобиль) или съездов, – чудесных, приносящих немалый доход каждодневных съездов в ситкомах¹, на которых с утра до ночи горят ее ученики?

Новицкая улыбалась солнцу, небу, незнакомым прохожим, радуясь, что болезнь забрала у нее только речь и не лишила рук, ног или, не дай бог, мозгов, а значит, ничто не сможет помешать ей вести достойную жизнь. Не имело никакого значения, что к моменту ее выписки раскладушка навсегда перекочевала в кладовку, а диван-кровать в гостиной окончательно избавился от второго существительного в названии. Теперь тем, кто заглянет на огонек, не придется тесниться в спальне-кабинете в плену у наглядных пособий с рычащими, шипящими и аль-

¹ **Ситком** – ситуационная комедия (англ. *situation comedy, sitcom*) – разновидность комедийных радио- и телепрограмм.

веолярными звуками. А еще из статьи расходов наконец-то можно вычеркнуть километровые счета за междугородние переговоры. Телефон больше не нужен. И замечательно! Она будет писать письма.

И она писала. Писала сестре в Архангельск, иронизируя, что, если когда-нибудь к слепому и немой в их семье добавится кто-нибудь глухой, они непременно станут жить вместе. Сестра предпочла не отвечать, усмотрев в этой невинной фразе завуалированное предложение забрать Новицкую к себе и намек на свою прогрессирующую тугоухость, о которой Серафима и понятия не имела. Писала Сима родне в Краснодар, Свердловск и Харьков, писала третьей жене покойного режиссера Пензенского драматического театра, писала бывшему мужу, все еще лицедействующему где-то в Израиле, и писала бывшим ученикам, интересуясь всем и каждым, отчаянно ожидая ответа. Ответы приходили в виде коротких отписок или, на худой конец, поздравительных телеграмм. И это понятно. Во-первых, актеры чрезвычайно занятые люди. Им ли до писанины! А во-вторых, говорят, люди теперь быстрее печатают, чем пишут, и если бы у Серафимы Сергеевны был компьютер, а в нем Интернет...

За всю свою жизнь Новицкая привыкла просить, просить для других, но не для себя. Свои мечты в сослагательном наклонении она излагала одной из своих любимиц – Аллочке Колокольниковой, которая несколько лет назад оставила сцену и укатила с мужем-программистом в Силиконовую долину. Девушка соглашалась с тем, что компьютер – дело хорошее, а вот аппарат со встроенной мембраной, способный отображать голос – еще лучше. «И если бы у Серафимы Сергеевны был такой, то определенно...» Но у Серафимы Сергеевны такого не было... Вместо современных чудес технического прогресса она приобрела другое чудо – собаку, от которой наконец-то почувствовала настоящее человеческое тепло и на благо которой снова могла служить.

Нет, нельзя сказать, чтобы люди о ней вовсе забыли. Приглашения на вечера встреч в институте или театральные контрамарки присылались с прежней регулярностью. Первое время она даже с удовольствием их принимала, надеясь пополнить дефицит общения. Конечно, с ней здоровались, сочувственно обнимали, провожали жалостливыми взглядами, но и только. Время на ожидание письменного ответа не выделял практически никто, а Новицкая устала слушать, она хотела говорить.

Впрочем, были и те, кто пытался найти для нее минутку. Поначалу заходила соседка, приносила румяные пирожки и безостановочно тараторила сплетню за сплетней. Мучного актриса не употребляла, да и судьба «Людки из соседнего подъезда» оставляла ее равнодушной. Не захотела она или не смогла скрыть своего безразличия к злословию, но общение с недурной, в общем-то, женщиной постепенно свелось лишь к дружелюбным кивкам при случайных встречах. Иногда кто-нибудь из родственников забегал убедиться в том, что «наша дорогая Симочка» еще жива, гордо водружал на стол копеечный торт и исчезал до седьмого пришествия. Собственно, окончательным доводом в пользу покупки щенка стала мысль, что собака не позволит труппе Серафимы Сергеевны беспомощно дожидаться минуты, когда кому-нибудь вновь придет в голову проверить ее земное существование.

И верный Джеф не подвел. Умерла Новицкая, как и положено натурам добросердечным, внезапно, во сне, и уже через полчаса соседи, обеспокоенные постоянным, надрывным воем овчарки, вызвали спасателей. Весть о кончине Серафимы Сергеевны разнеслась, как и все плохие новости, мгновенно. Художественный руководитель театра и ректор института не могли договориться о месте проведения панихиды, ученики дрались за место в почетном карауле, родня сожалела о невозможности распилить пса. Организацию похорон, не доложив об этом всезнающим сплетницам, взял на себя Союз театральных деятелей, предоставив в распоряжение «великой актрисы и несравненного педагога» и презентабельный катафалк, и гроб из южноамериканского кедра, и место на Ваганьковском.

На кладбище распрощаться с «обожаемой и безвременно ушедшей Симочкой» сразу не смогли, крышка дорогого ящика никак не хотела закрываться, будто заставляя присутствующих лучше запомнить безмятежное выражение лица покойной. Так и ехали потом к дому двумя автобусами, обсуждая эту «чудесную смерть».

В квартире продолжили обсуждать не менее чудесную жизнь. После третьей рюмки ректор впал в задумчивость и отпустил бразды правления застольем, которому – возбужденному и даже повеселевшему – правление это уже и не требовалось.

– Половина моего бывшего успеха – это ее заслуга, – лепетала нежным сопрано прилетевшая бизнес-классом американка Колокольникова, одетая в костюм от Версаче.

– Погромче, пожалуйста! – в который раз требовала тугоухая из Архангельска.

Шурин троюродной сестры Светы из Воронежа разбрасывал нашкодившие глаза между сидящим напротив уже семилетним мальцом и воинственным подбородком своей тяжелой на руку и крепкое словцо жены. Наконец махнул рукой и, не дожидаясь своей очереди, шумно опрокинул стопку, икнул и объявил, подхрюкнув:

– Душевная была женщина.

Брезгливо покосившись на представителя народных масс, художественный руководитель театра привстал, поправил кашне и высказал общее мнение актерской богемы:

– Все же нельзя не признать, что для Серафимы смерть – почти спасение. Такие цельные натуры, как она, с трудом переносят вынужденную бездеятельность.

– Да что вы такое говорите? – взвилась глуховатая, когда ей в третий раз повторили фразу. – По-вашему, инвалидам и жить не надо?! Вот мой муж, он – слепой, а...

– Без работы Симочке было очень туго, верно, – поспешила перебить пожилая женщина с опухшими веками и красными глазами. – И без общения, – с укором добавила она, обращаясь то ли ко всем присутствующим, то ли к себе одной. Она была подругой Новицкой, тоже из характерных, тоже из бывших. Последние лет десять страдала страшным артрозом, из дома выбиралась лишь на скамейку у подъезда, а вынужденные дальние поездки совершала на машине зятя. И если о визитах к врачу еще можно было как-то договориться, то заикнуться о необходимости проведать подругу она не могла. Она звонила, говорила: «Сим, приезжай», и через два часа Новицкая стояла на пороге. Однако встречи получались недолгие, Серафима быстро уставала писать, а потом как-то то ли она не позвонила, то ли Сима не приехала. Сейчас разве вспомнишь?.. Да и не важно уже.

– Если бы хоть кто-то нашел для нее занятие, – добавила она, вновь расстроившись, зашмыгав носом, задергав тройным подбородком.

Щербатая соседка Новицкой тут же зашептала облаченной в кружева даме:

– Вы не поверите, но мне казалось, она будто работала в последнее время. Мы, правда, кивали друг другу, и только. А как еще прикажете с немой-то? Но я же слышу, у нее дверь в одно и то же время каждый день и вечером хлопает. Мне ни к чему, конечно, но в глазок-то вижу, сумки какие-то носит тяжелые. Ну, не удержалась я, что ж такого? Спросила: «Куда, мол, ходишь-то, Сима?» А она мне пишет: «На работу». Я обалдела, естественно, но виду не подавала. Зачем обижать человека? Поинтересовалась, что за кирпичи она в пакетах все время таскает, а она пишет: «Учебники это. Язык я учу». И ушла. А я так и села. Ну, какой, скажите на милость, язык?

– Английский. Сейчас без него никуда, – откликнулась с набитым ртом собеседница. – Попробуйте балык. Свежайший.

– Но...

– Да-да. И рыбу! Берите рыбу, – встрепенулась одна из девушек, занимавшихся оформлением стола.

– Сейчас бы тети Симиной фаршированной рыбки, – мечтательно протянула московская племянница и одновременно мать-героиня. – Я сколько ни пробовала повторить, никогда не удавалось.

– Она и мне в свое время рецепт давала, – забыла о своем изумлении соседка.

Разговоры о кулинарных талантах покойной стали неинтересны театральным, да и водка почти закончилась. Начали потихоньку расходиться. Не спешили лишь самые близкие да ректор с худруком, записавшие себя в их число. Хотела уйти соседка, да передумала: уж очень интересно узнать, что за странная пара, промолчавшая весь вечер, осталась сидеть неподалеку. Она-то сразу причислила их к актерской среде, все же родственники хоть как-то, но общались между собой. Однако побрели к метро гардеробщики и билетеры, разъехались по съёмочным площадкам бывшие ученики, водитель увез в Шереметьево Аллочку Колокольникову, удалились, церемонно попрощавшись, преподаватели вуза, а эти продолжали сидеть, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, которыми стреляла в них то младшая дочка Дворецких, то прожившая несколько лет в кухне Серафимы мамаша семилетнего мальчика. Было все же очевидно, что неизвестная пара чувствует себя не в своей тарелке. Пожилой мужчина со следами оспы на лице ерзал на табуретке и старался спрятать под стол залатанные локти твидового пиджака. Его жена (соседка решила, что это определенно жена, уж очень бесцеремонно льнула к нему эта простоволосая тетка) исподтишка рассматривала комнату, оставшуюся в буфете посуду, цветы на подоконнике. Щербатая даже заметила, как та осторожно пощупала белоснежную накрахмаленную скатерть, улыбнулась слегка, будто забывшись, но, споткнувшись о пытливые глаза московской племянницы, тут же смутилась, потупилась и схватилась за потертый рукав мужчины, будто искала укрытия.

Подали чай с тортом. Ректор возмущенно отказался, а худрук затребовал себе два куска. Соседка Новицкой признавала только домашнюю выпечку, оттого и жалоба ее простоволосой незнакомке прозвучала, как искренний крик души, а не как найденный наконец повод завязать разговор:

– Ох, не сообразила я пирожков-то напечь. Сейчас бы кушали за Симочкино успокоение свеженьких. Все лучше, чем травиться кремом из маргарина.

Женщина как-то неловко отпрянула и снова схватилась за спасительный рукав. Муж накрыл ее руку широкой ладонью и вежливо кивнул соседке.

– Все-таки удивительный человек Серафима, – ничуть не тушуясь, продолжала дама. Ее собеседница, обладательница кружевного платочка, оказалась продавцом программки и отбыла вместе с театральными, а выдержать информационный вакуум дольше пятнадцати минут соседка Новицкой оказалась не в состоянии.

Ответом вновь послужил легкий кивок.

– Столько цветов (я вот собственноручно выращенные георгины принесла), да это и понятно. Какая актриса без цветов? Но народу... Такое количество народу самого разного. А вы с Симой близко знакомы были?

Женщина еще сильнее прижалась к мужу, тот приобнял ее за плечи и вновь утвердительно склонил голову.

– Ой, правда? А я и не видела вас никогда. Ну да к Серафиме раньше столько людей шастало, всех разве упомнишь? Как же вы с ней познакомились? – Она затаила дыхание и вожаденно ждала ответа, заглядывая мужчине в глаза почти любовно, но...

Худрук поперхнулся тортом, натужно закашлялся, вылил чай на скатерть и на брюки, обжегся, выругался, стукнул ладонями по столу и объявил хорошо поставленным голосом:

– Я хотел бы обсудить с вами, милейшие, дело, не терпящее отлагательства.

– Мы бы хотели, – качнув головой, вставил заплетающимся языком ректор.

– Да, мы бы хотели, – с готовностью поправился худрук, обводя взглядом мгновенно притихших, изумленных людей. – Речь пойдет о квартире Серафимы Сергеевны.

Недоуменный, еле слышный гул мгновенно перерос в возмущенный ропот. Раскладушечный из Воронежа выразил всеобщее мнение:

– А че тут обсуждать-то?

– Вот именно, нечего, – с готовностью согласилась московская племянница. – У меня трое детей, и тетя Сима всегда говорила...

– Что это она тебе говорила, интересно? – неожиданно завопила сухонькая старушка в черном платочке. – Двоюродная сестра по всему ближе какой-то племянницы. Да еще по первому мужу, с которым она и развелась-то полвека назад.

– Но трое детей!

– Полвека назад!

– Позвольте, но мы же взяли собаку! – очнулся кто-то из Дворецких.

– А мы вообще инвалиды! – торжественно провозгласили архангельские.

Забыв о своем интересе к незнакомцам, соседка Новицкой быстро стреляла глазами по говорящим, стараясь не упустить ни одного слова из этой схватки. Завтра будет отличная возможность потрясти воображение Нины Павловны из пятьдесят второй квартиры.

– Да я здесь три года прожила. Серафима вон Кольку в колыбельке качала, – вступила в перепалку мамаша ребенка, пихнув сына для всеобщего обозрения. Шурин тети Светы тут же втянул голову в плечи.

– Да когда это было? Съехала и носа не казала!

– Точно, – не выдержав, поддакнула кому-то соседка.

– А сама, что ли, казала, лахудра крашенная?!

– Ах ты! Да, я тебе!

– Дамы! Дамы! – схватился за сердце ректор.

– Успокойтесь! – гаркнул худрук, и воцарилась тишина. – Я не зря начал этот разговор.

Каждый из вас смог сейчас убедиться, что оставшуюся после Серафимы Сергеевны, так сказать, жилплощадь полюбовно разделить не удастся. Прямых наследников, как я понял, у нее нет, а вот непрямых, – он скривился, – ну, вы сами видите... – Он сделал многозначительную паузу и продолжал, не забывая вкладывать в интонацию весь пафос, на который был способен. – И есть у нас, – худрук оглянулся на ректора, – в связи с этим к вам предложение – предложение продолжить традицию Серафимы Сергеевны. Мы уверены, что эта благороднейшая, добросердечнейшая женщина осталась бы довольна и, я не побоюсь этого слова, даже польщена, да-да польщена, если бы ее квартира досталась самому близкому для нее существу, – на этот раз пауза держалась едва ли не минуту и, наконец: – Досталась театру...

– Как театру?

– Почему театру?

– Этого еще не хватало!

– Да скажите еще, что вы тут Серафимин музей откроете!

– Совсем охамели!

– Я те ща покажу театру, твою мать!

– Я лишь прошу вас подумать, – взметнул худрук правую руку, – ради святой памяти вашей родственницы, и поступить так, как хотела бы она. Я уверен, она была бы счастлива, что даже после своей, так сказать, смерти все еще способна творить добро. Здесь могла бы жить молодая актерская семья, или, напротив, эти метры могли бы осчастливить достойнейших людей: билетеров или гардеробщиков. Вы даже не представляете, какая мизерная у них зарплата!

– Матерям-героиням, что ли, больше платят?

– Да, я вообще на одну пенсию живу, козел!

– Товарищи! Товарищи! Давайте же говорить спокойно!

Соседка едва не потирала руки от удовольствия. «Нина Павловна обзавидуется!» Вдруг рядом с ней что-то зашевелилось, задергалось. Пара незнакомцев, о которых она и думать забыла, поднялась со своих мест и собиралась бесшумно исчезнуть.

– Это правильно, – неожиданно указал на них со своего стула ректор. – Незаинтересованным здесь делать нечего.

– Точно.

– Да кто это, вообще, такие?

– Посторонние пусть уходят!

Несколько недовольных взглядов впились в соседку Новицкой. Ей ничего не оставалось, как удалиться вслед за парой, так некстати обнаружившей свое присутствие и помешавшей до конца насладиться скандалом.

– Ну, до свидания, – все же попрощалась она с ними на лестнице разочарованным голосом.

На сей раз любопытной достались сразу два вежливых кивка.

Едва за ней захлопнулась дверь, женщина повернулась к мужу и взволнованно заговорила:

– Надо было им сказать!

– Успеется...

– Мы должны были остаться.

– Зачем? Там все же родственники.

– Но это наша квартира!

– Симочкина!

– Да, Симочкина. Но она ведь ее нам оставила. Надо было показать завещание.

– Успеется...

– Да что ты заладил: «Успеется, успеется!»

– Не волнуйся, пожалуйста, все будет хорошо!

– Хорошо уже не будет никогда, потому что Симы нет!

– Да, это точно. Помнишь, как она к нам в клуб в первый раз пришла?

– Конечно. Два года назад в декабре. Схватила тебя за рукав и бумажку сует.

– Ага. А там «хочу говорить» написано.

– Какие же она нам спектакли ставила!

– Особенно «Вишневый сад» хорош. И кто теперь Раневскую сыграет?

– А мне больше детские утренники нравились. Помнишь, как она с ребяташками пела?

И «Облака», и «Голубой вагон», и про мамонтенка.

– Малыши ее очень любили.

– Да ее все наши любили.

– А ведь она ни слова не могла сказать, когда пришла.

– А быстро как научилась!

– Да уж. Потом без умолку тараторила. Говорила, что даже с Джефом так общается.

– Кстати, ты понял, где он?

– Нет. Наверное, забрал кто-нибудь...

– Как думаешь, отдадут нам?

– А на кой им собака? – покосился на квартиру мужчина.

Оттуда все еще доносились возбужденные голоса:

– Да идите вы с вашими предложениями!

– А мы и пойдем. Только в суд.

– Да любой суд...

– Здоровая всем нужна была, а о больной никто и не вспомнил!

– Будто вы вспоминали! Выкинули с работы на раз!

– А что мы должны были делать?

– Вот и мы делали, что могли.

Женщина на лестнице перехватила взгляд мужа и передернула острыми плечами:

– Боже! Что-то будет, когда они узнают?!

– Будет долгожданный бенефис актрисы Новицкой. Ладно. Вызывай лифт. Поехали.

Странная пара зашла в кабину, а за соседской дверью щербатая дама удовлетворенно отошла от глазка. Все это время она с удивлением наблюдала, как мужчина и женщина на лестнице показывали что-то друг другу руками, не произнося ни слова. Жадно хватая их жесты, она старалась не упустить ни слова из этого молчаливого диалога.

– Ну, надо же! Глухонемые! – покачала женщина головой и, довольная, погрозила пальчиком воображаемому кружевному платочку: – Английский! Что за глупость! Английский!

Коллекционер

– Скукотища, – уныло сообщил Константин морю, и ему показалось, что магнолии под балконом одобрительно закивали своими дурманящими цветами. Он вернулся в номер и полоснул взглядом по спящей добыче, силясь вспомнить, как же ее зовут. И почему только они вечно выдумывают какие-то громоздкие псевдонимы, будто несколько затейливых слогов в собственном имени могут придать значимости? В последнее время Жозефины, Джульетты и Ариадны... (Ах да, Ариадна!) встречались на его пути гораздо чаще Зин, Юль и Ань. И что интересно, их жеманные улыбки и неприкрытое желание нравиться раздражали его. Куда подевались загадочность, девичья стыдливость и мягкое кокетство? Современные девицы, выпрыгивающие из собственных трусиков чуть ли не раньше, чем кавалер обратит на них взгляд, отнимали сомнения в исходе игры, лишали победителя наслаждения, а главное, забирали у него самое ценное: чувство полного удовлетворения от блестяще разыгранной партии.

Он растянулся рядом со своим вчерашним приобретением, попытался снова заснуть, но тоскливые мысли о потраченном впустую отпуске назойливо вертелись в курчавой голове со следами уже наметившихся залысин. Никогда еще Коктебель не обходился с ним так жестоко. За пятнадцать лет ежегодных визитов каждая поездка в конце концов вознаграждала приятными воспоминаниями об очередном разбитом сердце. Да, ему было о чем рассказать и чем похвастаться. Он считал себя большим знатоком женской психологии, способным расположить к себе любую даму. Чем недостижимее казалась цель, тем больший интерес он испытывал.

Он и сам не смог бы однозначно ответить, что интересует его больше: процесс или результат. Наслаждение, которое он получал в постели с очередной жертвой, в полной мере соответствовало удовольствию от выбора мишени, разработки плана и той блестящей актерской игры, которой требовало приведение этого плана в действие. Режиссуре своих любовных походов он предавался самозабвенно, считал себя мастером эпизода, не упускающим ни единой хоть сколько-нибудь значимой детали для ловкого опутывания сетями наивных дурачек. Опыт подсказывал, что для большинства особей хватит обыденного давления на жалость, ибо основная масса этих длинноногих, фигуристых организмов обожает опрокидывать на обиженных судьбой ушаты нерастраченной нежности. Однако слезливые истории о потерянной любви, смертельной болезни и непролазном одиночестве, безотказно действующие на загорающих дамочек, претили ему своей предсказуемостью. К тому же он охотился за признанием, в собственных глазах был героем, а герой, уж конечно, достоин чего-то гораздо большего, чем сочувствие. Археолог, приехавший напрямик из египетской экспедиции, завоевал восхищение студентки исторического факультета; педиатр, не позволяющий детям тоннами поглощать мороженое, – восторг у матери-одиночки. Он вдохновенно перевоплощался в самые разные личности и с удовольствием проживал их жизни.

А что теперь? Куда катится мир? Женщины готовы идти за кем угодно, посулившим им желаемые земные блага. Мечты, конечно, у всех разные, но достаточно одного взгляда, чтобы понять, грезит она о шести сотках в Подмоскovie или об английском газоне на французской Ривьере. Первые согласились бы пойти за ним на край света после парочки дежурных комплиментов, вторым хватало взятой в аренду машины с водителем, ужина в дорогом ресторане и постоянных «деловых» переговоров по телефону с воображаемыми собеседниками.

Константин трезво оценивал возможное отношение к его поведению. Без сомнения, многие назвали бы его обыкновенным бабником, причем наихудшим представителем этой породы. Но если бы это было так, его бы немало расстроила наметившаяся тенденция к всеобщей женской доступности, а он грустил и даже страдал. Сам он себя считал коллекционером и жаждал пополнения своих богатств раритетными экземплярами, охота за которыми доставляла истинное наслаждение. Теперь же процесс ухаживания занимал... Сколько же он занимал? В

среднем от двух часов до двух дней. Года три назад была, правда, одна мадам, которую он умасливал неделю, но и тогда не удалось ощутить восторга от пойманной в сети добычи. Как раз в тот момент, когда он размышлял, какая из его придумок заставила-таки ее пойти на попятный, женщина смущенно проворковала ему в подмышку, что «ребенок будет у бабушки еще два дня, и поэтому...». И поэтому все сразу встало на свои места: подняться к нему в номер все это время мешало не отсутствие желания, а наличие в крови обыкновенного материнского долга.

Проклятая демографическая ситуация, заставляющая женщин радоваться контакту с любым, даже самым убогим самцом, вызвала в нем все большее беспокойство. Глядишь, в следующий приезд и вовсе не придется предпринимать каких-либо шагов: женщины сами будут знакомиться, спрашивать телефон и номер комнаты, записываться на прием, а то и очередь живую организуют прямо на пляже.

От собственных мыслей Константин брезгливо поежился и, поддавшись внезапному порыву, обнял сокровище с именем Ариадна просто из благодарности, что она продержала его на расстоянии чуть дольше суток. Клубок конечностей под его рукой томно пошевелился:

– Сколько времени? – тянет лениво, не открывая глаз.

– Десять.

– Хах! – Одеядло накрывает мужчину с головой. Девушка метушится по комнате, пытаясь одновременно пригладить взлохмаченные кудри и натянуть мятую юбку.

– Завтрак, я так понимаю, предлагать не стоит, – Константин безразлично наблюдает за суетой.

Ариадна (уже причесанная и одетая) высовывается из ванной с одним подведенным глазом и зубной щеткой во рту.

– Ш ума шошел! Я ше прошила будильник поштавить. Ешли апашдаю, меня ф пять минут уфолят.

– Обойдется.

Ариадна шумно сплевывает и отвечает, не выходя (рисует другой глаз):

– У меня через полчаса запись.

– Возьми денег на такси.

– Ой, спасибочки! – шумно налетает, тормозит, тискает. Потом отпускает, будто даже и нехотя. Складывает, уже не спеша, косметику в необъятную сумку, продолжая безостановочно трещать:

– Сегодня не день, а сплошная запара. Ща окраска, потом химия. И когда они перестанут травить свои волосы? Знаешь, говорят, в Москве появилась какая-то новая технология: щадящая биозавивка. Скоро и до нас доберется, и тогда волосы... Ты меня не слушаешь?

– Угу.

– Что угу?

– Волосы.

– Вот я и говорю, волосы перестанут портиться, но тебе это неинтересно.

Да нет, отчего же. Это охренительно, супермегаинтересно. Как только чудеса биозавивки докатятся до Харькова, он побежит и сделает себе «мелкий бес».

– Что ты? Я внимательно слушаю.

– Потом после химии придет стричься Буянов.

– ...

– Я говорю, Буянов стричься придет!

– Ну, подстриги его там как-то...

– Ты чего? – тарашит глаза в недоумении.

– Чего?

– Не знаешь, кто такой Буянов?

– А кто?

– Он же Матвея играл в «Таинственных страстях».

«В каких еще «страстях»? Что еще за Буянов?»

– Ах, ну да. Прости, я запамятовал. Конечно, тот самый Буянов из «Страстей».

– Теперь понимаешь? Я буду стричь Буянова!

– Как же тебе повезло.

Иронии девушка не замечает, продолжает тараторить:

– Вечером уже потише. Кажется, мелирование. Еще коррекция челки. Ах да, еще в обед, как всегда. Ты опять не слушаешь?

– Я весь внимание.

– Представляешь, каждый день одна деваха в два часа приходит на укладку. Я уже который день пообедать не могу нормально. Вообще!

Уставилась на него и ждет реакции. Ну что тут скажешь?!

– Офигеть! – он всплескивает руками и закатывает глаза, проставляя себе «отлично» за актерское мастерство.

– Причем клиентка эта странная такая, уже три недели здесь, и все одна да одна. Ни подруг, ни (Ариадна перешла на шепот) мужиков. – Последнее она произнесла с таким возмущением, как будто это вопиющее святотатство.

– Так-так... Очень захватывающе... – Константин отворачивается, чтобы скрыть искры неподдельной заинтересованности, которые, он был уверен, вспыхнули в его глазах.

– Так вот: вопрос, зачем укладываться, если все вечера сидишь сиднем в своем номере!

– А с чего ты взяла, что она не выходит?

– Она мне сама сказала.

– Ну-ну! И ты поверила? – он разочарованно усмехнулся.

– Дурак ты! – беззлобно бросила Ариадна. – Я же парикмахер!

– И что?

– Зачем врать парикмахеру?

– А почему бы и нет?

– Запомни: женщина может солгать психоаналитику и даже (голос снова понизился до шепота) гинекологу, но парикмахеру или маникюрше – никогда! Если говорит клиентка, что проводит вечера в номере за компьютером, значит, так оно и есть!

– Может, у нее интернет-роман?

– Слушай! Я как-то не подумала. Наверняка! Чем еще можно заниматься столько времени перед экраном!

– Работать...

– Ой, я тебя умоляю, – весело просвистела девушка и выскочила за дверь. Через секунду просунула голову обратно: – Чуть не забыла! Я сегодня до семи. Будет желание, заходи. Гостиничный комплекс «Черномор».

Гостиничный комплекс «Черномор» производил впечатление. Еще в такси, глядя на современные пирамидальные строения из стекла и металла, утопающие в зелени и струях причудливых фонтанов, Константин почувствовал, как забилося сердце. Женщину, позволяющую себе больше трех недель жить в этой роскоши, не должно волновать состояние его кошелька. Здесь пахло настоящим, захватывающим приключением с неизвестным концом.

Продемонстрировав портье кончик зажатой в кулаке купюры, он любезно попросил показать ему карточку постоялицы, что «сидит сейчас во-о-о-н в том кресле салона красоты». Информация не заставила себя ждать: Людмила Черняева, 28 лет, домашний адрес: Москва. «Ого! Москва! Тем лучше! Зачем москвичке харьковчанин?» Дата отъезда: 25 мая. Итак, они уезжают в один день, и на все про все у него осталась неделя. В прежние времена он бы запаниковал, что этого срока может не хватить, но теперь знал, что и семь дней – вполне достаточно для обольщения. Константин разместился в лобби-баре и стал терпеливо ждать. Минут через

пятнадцать Людмила Черняева поднялась, тряхнула длинными светлыми волосами, распрощалась с Ариадной и вышла из салона. Девушка, ни на кого не глядя, направилась напрямик к лифтам. Шла она, погруженная в свои мысли, явно нисколько не заботясь о том, чтобы произвести впечатление. Константин задумчиво рассматривал объект и чувствовал, как радость от удачно выбранной жертвы захватывает его все сильнее. Он позволил себе настолько увлечься эмоциями, что едва не упустил даму. Она уже нажала кнопку, когда он возник за ее спиной и изумленно воскликнул:

– Людмила?

Девушка обернулась, смерила его вопросительным взглядом, нахмурилась и достаточно резко произнесла:

– Простите?

– О... Это вы меня простите, – Константин расплылся в извиняющейся улыбке. – Вы так похожи на одну мою знакомую. Но только со спины. Оказывается, у вас такое же имя. Ну, надо же! Но вы гораздо привлекательнее и...

Женщина брезгливо поморщилась, прервала его тираду коротким:

– Вы обознались, – и отвернулась.

– Да. Я, в общем-то, конечно. С кем не бывает... – Константин разыгрывал смущение перед напряженной, он чувствовал, спиной девушки. – Но, может быть, это не случайно. И нам стоит познакомиться...

Людмила не удосужилась обернуться. Она вошла в лифт и отчеканила зеркальному отражению Константина в кабине:

– Мое имя вы знаете, а ваше меня не интересует.

Двери захлопнулись, и мужчина не смог отказать себе в удовольствии радостно потереть руки. Его игра началась.

Котята, как он и предполагал, обнаружили в кустах на задворках ресторана. Везде, даже в самых фешенебельных местах, нет-нет, да и найдется какая-нибудь приبلудная тварь, осевшая на изобилующей просроченными деликатесами помойке. Вот и здесь несколько измазанных усатых мордочек лишь настороженно покосились на неизвестного и продолжили с сосредоточенным наслаждением копошиться в объедках. Нетерпеливое шевеление в зарослях выдавало ожидающий своей очереди молодец. Константин молниеносно схватил самого худого заморыша, у которого не было сил отпрыгнуть от несущей опасность человеческой руки, и сунул добычу за пазуху.

– Не бойсь! Зуб даю, тебя сегодня покормят.

Через три минуты котенок выводил надсадные рулады у номера москвички Людмилы, внимая жалобным советам странного человека: «Погромче, кысынька! Старайся, пацан!» Еще через две двери осторожно приоткрылась. Девушка взглянула на котенка вполне миролюбиво, но, увидев мужчину, нахмурилась, заледенела:

– Что вы здесь делаете?

– Я или он? Или мы?

– Что делает он, я прекрасно вижу, точнее слышу: потерялся и орет. А вот ваше нахождение у моей двери остается совершенно непонятным.

– Да я, собственно, тоже потерялся, – Константин старался говорить как можно беспечнее, доказывая абсолютную случайность своего появления. – В вашей шикарной гостинице совершенно невозможно найти то, что ищешь, – он виновато улыбнулся и замолчал. Сейчас она спросит: «А что вы ищете?» – «Номер 4120, – ответит он, – друг здесь останавливался. Договорились, что на вокзал его провожу. Я жду-жду внизу, а его все нет. Решил подняться и заплутал». – «Вам надо на пятый этаж, а это четвертый», – смягчится она. «Спасибо», – сердечно поблагодарит он и нажмет в кармане кнопку мобильного, чтобы тот издал какой-нибудь писк. Торопливо вытащит телефон, бросит в молчащую трубку несколько расстроженных фраз

типа: «Да ты что? Неужели? Как жаль! Ну, может быть, как-нибудь в другой раз». Потом объяснит все еще рассматривающей котенка женщине, что друг вынужден был уехать раньше, и теперь у него образовалась целая куча свободного времени, которую он намерен потратить на спасение от голода несчастной крохи. Не хочет ли она присоединиться? Может, покараулит котенка, а он пока сбегает за молоком? Что? Она возьмет малыша к себе в номер? А удобно ли это? Никаких проблем? Ну, тогда отлично! Он постучится, когда вернется, он мигом. Ах, как она добра! Ах-ах-ах!

– Ищите где-нибудь в другом месте, – неожиданно надула губки Людмила, – и этого, – она легонько задела котенка носком белоснежного тапочка с меховым помпоном, – с собой заберите. У меня на них аллергия.

Константин остался за дверью с голодным котенком и нарастающим недоумением. «А она тебе вообще-то нужна?» – спрашивает внутренний голос. – Наглая, жестокая баба!» – «Нет-нет-нет, – тут же одергивает он себя. – Только не проигрыш!»

Мужчина мучительно старался придумать хоть какой-то мало-мальски разумный повод постучаться в номер. Котенок начал мяукать.

– Да заткнись ты! – вяло отмахнулся Константин.

Котенок не унимается, скребется в дверь.

– Погоди-ка, – изумился мужчина. – Да ты, балбес, не дурак вовсе! Давай-давай! Продолжай! Громче! – Он на цыпочках отошел за угол, не переставая подбадривать котенка.

Еще несколько минут жалобных кошачьих причитаний, и раздосадованная Людмила впустила подкидыша. Быстрая пробежка до магазина позволила Константину окончательно вернуть уверенность в своих силах и в необходимости продолжать игру. Он смущенно улыбнулся стоящей на пороге хозяйке и нарочито растерянно пролепетал:

– Извините, ради бога! Я подумал... Может быть... Я вот колбасы, а котенок...

– Он здесь.

Котенок сосредоточенно копошился у кровати, выдергивая нити из шерстяного пледа.

– Забирайте и проваливайте. Мне некогда.

Женщина забралась в центр раскиданных по покрывалу стопок исписанных бумаг, положила на колени ноутбук и потеряла к гостю всякий интерес.

– Что-то пишете?

Молчание.

– Роман? Повесть?

Молчание.

– Первый раз вижу, чтобы девушки на юге с таким усердием занимались интеллектуальным трудом.

– Думаю, что девушки, которых вы имеете обыкновение видеть, не занимаются интеллектуальным трудом ни на юге, ни на севере, ни где-либо в другом месте.

«Ну, хватит! Это уж слишком! Что она себе позволяет? А сама-то. Подумаешь, блондинка с уложенной шевелюрой! Ноги могли бы быть подлиннее, сиськи побольше, а язык покороче. Тогда не пришлось бы сидеть одной в четырех стенах. Да пошла она...»

– Я переводчик, – девушка неожиданно оторвала взгляд от бумаг, посмотрела на мужчину вполне дружелюбно и пожаловалась, позволив себе вздохнуть: – Сроки поджимают.

Константин тут же смягчился, забыв о гневе, и устремился в атаку:

– Надо позволять себе отдыхать. Общаться с людьми. Мне кажется, это определенное обогащение словарного запаса. Полезно для переводчика.

– Переводчику вполне достаточно читать хорошую литературу. Лексикон современников в большинстве случаев весьма ограничен.

Выхода нет. Придется опускаться до примитивных уговоров.

– Людмила! Я уже три недели торчу на этом долб... доморощенном курорте и просто не знаю, куда девать себя от скуки. Разве я о многом прошу? Скрасьте всего лишь мой ужин на пару часов, и...

– Завтра в 19.00 внизу. Повеселимся, – она недвусмысленно распахнула дверь и, пресекая любые попытки рассыпаться в благодарности, сунула ему в руки котенка: – Выйдете из гостиницы со стороны бассейнов, пройдете по мосту через ручей, свернете налево, обогнете тренажерный зал и увидите арку во внутренний двор. Там помойка, где столуются два кота и три кошки. Это сын серой с белой грудкой, которую персонал зовет Анфисой. У нее еще пять котят, которых она держит в кустах справа от баков. Верните туда то, что взяли, и извинитесь перед матерью!

– При чем тут... – Константин невинно вскинул брови, но его бесцеремонно подтолкнули к выходу, за спиной щелкнул замок. – И с чего она только взяла? Как догадалась? И как теперь оценить свои действия? Это успех или провал? – обратился мужчина к отпрыску Анфисы. – Хотя разве можно назвать провалом пол-литра молока и двести граммов ливерной?

Он в нерешительности остановился у кустов шиповника. Кошка скалит зубы, выгибается, готовясь защитить оставшееся потомство. Мужчина показал ей котенка, пытаясь успокоить. Анфиса сделала мощный прыжок, Константин еле успел спасти брюки и грубо заматерился, замахиваясь на животное.

– Вернуть часто бывает гораздо труднее, чем взять, – брезгливо сообщила ему Людмила из распахнутого окна четвертого этажа.

Грохнула захлопнутая рама.

– Сука! – процедил Константин, избавляясь наконец от котенка.

Вечером он позволил себе расслабиться: никакой охоты, никаких женщин. Легкий ужин, бокал вина и крепкий сон. Проснулся бодрым и отдохнувшим, но настроение тут же испортилось. Вечером необходимо продвинуться, произвести впечатление, а у него – никакого, даже самого захудалого плана.

Конечно, всегда есть запасной вариант, но использовать его ой как не хочется. Он и прибежал-то к нему всего два раза, но чувствовал себя потом абсолютным подонком, обещал себе остановиться и несколько месяцев даже верил в то, что так и поступит. Но время... Время, если не бесследно стирало из памяти ощущения содеянного гадства, то существенно обеляло Константина в собственных глазах. Наглое вранье казалось всего лишь невинной шуткой, горячие обещания – страстным бредом, а влюбленные женщины – наивными дурами, виноватыми во всем целиком и полностью, потому что нельзя, просто противопоказано существовать в современном мире таким открытым, доверчивым особам. А он, Константин, – просто подарок судьбы, посланный им свыше для усвоения жизненных уроков. Если бы он знал, что одна такая «дура» после занятий с учителем два года пролежала в психушке, а вторая в сентябре поведет в первый класс его сына, он бы, возможно, пересмотрел свои взгляды. Но это Господь всеведущ, а посланцы его не так всемогущи.

Константин провел день в унылых, пустых раздумьях. К назначенному времени пазл картины предстоящего свидания так и не сложился в его голове окончательно, хотя тактика все же была избрана. В ход он решил пустить обычное оружие – демонстрацию своей исключительности, однако способ необходимо избрать иной. Барышню, позволяющую себе четвертую неделю прятаться в номере самого шикарного отеля, не поразишь ни водителем, ни дорогим рестораном, ни разговорами о мнимых контрактах. Она сомневается в его интеллекте. Что ж, она его получит. К 19.00 он мог бы провести экскурсию по Коктебелю с закрытыми глазами, рассказывая без запинки содержание двух путеводителей. Он отказался от пиджака и галстука, вместо дежурных роз приобрел у местных бабушек скромный «полевой» букетик, вы зубрил несколько строк из Волошина и пару четверостиший Цветаевой и расположился в холле «Черномора», то и дело посматривая на лифт и повторяя, как аутотренинг:

– ...Наступит свой черед, наступит свой черед. Траля-ля-ля. Как драгоценным винам...

Людмила разговаривала по телефону, когда подошла к его креслу, когда они вышли на улицу, пока ехали в такси мимо дюжины достопримечательностей, информацию о которых он готов был обрушить на женщину, усомнившуюся в его эрудиции. Отвернувшись и барабаня длинными ногтями по стеклу, она беспрестанно повторяла невидимому собеседнику одни и те же вопросы: «Да ну? А ты что? А он? Правда? А ты что? Да ну? А он?» В ресторане, прикрыв трубку ладошкой, скороговоркой пробормотала официанту заказ и продолжила «дакать» и «нукать» с таким видом, будто ничего важнее этого диалога в жизни не существовало.

Константин старался ничем не выдать своего бешенства. Миловидная женщина пригласила его танцевать, но он лишь вяло отмахнулся, даже не взглянув на нее и продолжая свербить глазами свою так неожиданно болтливую спутницу. Людмила закончила разговор, когда официант подносил им десерт.

– Валерий, – требовательно обратилась она к молодому человеку, всмотревшись в бейджик на белоснежной сорочке, – вы проводите вечер в ресторане, звучит приятная мелодия, дама ангажирует вас на танец. Что вы делаете?

– Танцую.

– Молодец! Душка! А вас что, не учили хорошим манерам? – повернулась она к Константину.

– А вас? – не выдержал он.

– Конечно, нет, – не думая и секунды. – В мои планы никогда не входило ухаживать за женщинами и проявлять свои лучшие качества.

– Значит, по-вашему, ухаживать за вами и при этом танцевать с другой – это проявление лучших качеств?

– А вы за мной ухаживаете?

– Пытаюсь, – буркнул Константин и, не утруждая себя в дальнейшей любезности, жестом попросил у официанта счет.

Всю дорогу до гостиницы он молчал, забыв о намерении развлекать Людмилу умными разговорами. Весь сегодняшний опыт доказывал, что пора прекратить попытки сблизиться с этой женщиной. Она ему не по зубам, и точка. Он ей не интересен. Как это не интересен? Почему не интересен? Всем, выходит, интересен, а ей нет? Ну уж дудки. Это мы еще посмотрим, краля московская, кто кого.

– Пойдешь со мной завтра на море? – чуть грубовато спросил он у дверей «Черномора», небрежно переходя на «ты» и не делая ни малейшей попытки проводить девушку до номера.

– С тобой хоть на край света, – неожиданно заявила она, отвернувшись, чтобы не выдать секундную растерянность.

Следующий день сложился гораздо удачнее и намного привычнее для Константина: пляж, солнце, разговоры на интересующие даму темы. Зря он волновался. Цитировать Волошина не пришлось. Легкость бытия не обошла стороной и эту претендующую на заумность блондинку: весна в Париже, модные нынче бикини и цены на газировку в баре гостиницы. Из всей этой невинной болтовни мужчина успел почерпнуть кое-какую полезную информацию: объект одинок, бездетен, любим и опекаем богатыми родителями.

После катания на банане, легкого обеденного салата и пятичасового мороженого Константин отправился в свой отель переодеться к вечернему моциону в театр. Москвичи штурмуют шезлонги на первой линии моря, а население курортных городов – места в партере на гастролях столичных трупп. Константин приобрел с утра два билета и очень надеялся, что удовольствие, полученное Людмилой от просмотра какого-то нашумевшего в Москве спектакля, воздастся ему сполна. Он был почти счастлив, если бы не одно «но». За весь день девушка так и не задала ему ни одного личного вопроса. Либо она поразительно, невообразимо нелюбопытна для женщины, либо являет собой воплощение культуры, хотя вчерашний день пол-

ностью исключил это предположение, либо, что, к сожалению, очевиднее всего, его персона ее пока нимало не интересует. А время, время работало против него. Оставались жалкие четыре дня. Ладно, посмотрим, куда он продвинется сегодня. Она хотела пищи для ума? Что ж, пожалуйста: удачно получилось с билетами.

Лучше бы он их никогда не покупал! В гробу он видал всю эту сентиментальную интеллигенцию. Нет, он, конечно, привык, что женщины плачут по поводу и без. Причем поводом может послужить все, что угодно: от противного прыща на носу до смерти бабушки главного героя в индийском фильме. Но то, что девушка способна залить слезами из-за того, что кто-то решил избавиться от гектара ненужной, очевидно отжившей свое растительности, – этого Константин представить не мог. «Берите! Классика. Чехов». Послал бы он сейчас куда подальше и кассиршу с ее Чеховым, и самого Чехова с его садом.

«Ах, как вы угадали? О, это мой любимый писатель! Его лучшая пьеса! Какая драма, какая проникновенная мысль, какая сила искусства. Эти приглушенные удары топора. Я всякий раз плачу». И она действительно плакала, не отказывая себе в удовольствии от души всхлипнуть и громогласно высморкаться так, что на них оборачивались и шикали со всех сторон. Людмила ничего вокруг не замечала, отрывая от сцены покрасневшие глаза лишь для того, чтобы размазать по щекам остатки туши. А Константин ежесекундно извинялся, ловя осуждающие взгляды. Ловил он их и на улице, и ему казалось, что каждый встречный ненавидит его за то, что он – мерзавец и негодяй – довел девушку до такого состояния. Хотя на самом деле довел он ее снова только до гостиницы и убрался восвояси, ни капли не сожалея, что его не пригласили и дальше выслушивать скорбные стенания о безвозвратно потерянном прошлом Раневской, которая к тому же оказалась тезкой его пассивности, а это, по словам Людмилы, еще больше роднило ее с героиней и побуждало сочувствовать ей, несмотря на все очевидные недостатки «этой никчемной, в сущности, женщины».

О боже! И с чего только бабы решили, что их повышенная чувствительность и ранимость – это именно те качества, что привлекают мужчин? Почему слабость – это обязательно слезы и сопли? Милые дамы, ничто не вызывает у мужчины большего желания бежать от вас со всех ног, чем непрекращающиеся рыдания в три ручья. И дело вовсе не в том, что вы из волооких принцесс превращаетесь в узкоглазых, опухших, уродливых теток, а в том, что мужчина ощущает на себе груз непомерной вины за то, что с вами происходит, и жаждет сбросить его как можно скорее. Он ищет выход и находит самый простой и совершенно очевидный. Он уйдет, а с ним уйдут и все ваши проблемы. И вы – его драгоценная, обожаемая и любимая – наконец-то перестанете плакать. Константин был разъярен, подавлен и одновременно счастлив оттого, что может позволить себе отступить. Дамочка оказалась совершенно неуравновешенной. Такая вполне может иметь склонность к суициду. Что же ему потом, мучиться, ночами не спать: жива или в окно сиганула? То же мне, Анна Каренина!

В своей решимости Константин спал как убитый. Но утро встретило его сомнениями. Оставалось три дня, делать совершенно нечего, а в дневник за весь отпуск он не занес ни одного имени, которое стоило бы запомнить. Он вышел из гостиницы и, сам того не замечая, побрел к «Черномору». Опомился у входа. «Что ж, была не была». Поднялся, постучал в номер. Открыла. Сама любезность. Головку склонила, глазки потупила, извините, мол, за вчерашнее.

– Константин, я надеюсь, вы простите мою впечатлительность.

«Ох, и действительно извинения. Ну, стоило и хотя бы за этим прийти».

– Ну что вы! О чем вы говорите.

– Нет, право, я была ужасна.

– Вовсе нет!

– И, честно говоря, не думала, что увижу вас снова.

– Как вы могли подумать такое!

– Да нет, будь я на вашем месте, я бы обязательно...

- Да отчего же!
- Нет, несомненно...
- Да прекратите, наконец!
- Я просто неисправима!
- Вот тут вы правы!
- А может, на «ты»?
- Ах, да мы уже давно перешли. А может, кофе или сок?
- Или сок.

Нет, все-таки с театром удачно получилось. Чувство вины – огромнейшая движущая сила. До поры до времени, конечно. Но пока человек собирается сглаживать образовавшиеся в отношениях с вами острые углы, вы – хозяин положения. Людмила (хотя мысленно он уже называл ее Людочкой) старалась изо всех сил заслужить прощение: ни грубости, ни жеманства, ни высокомерия. Проста в одежде (белые льняные бермуды, желтый хлопковый топ) и легка в общении: непринужденный смех, не слишком подробный, но все же рассказ о работе: переводит какой-то французский любовный роман для второсортного издательства не из-за заработка, а языковой практики ради. О семье особо не распространялась, лишь упомянула вскользь о том, что в офисе отца у нее один сплошной английский, да болтать на нем приходится лишь о вагонах, контейнерах и партиях цветных металлов. После этого, правда, Константин снова спросил себя, не стоит ли притормозить от греха подальше, пока железный король не нашел его и не переплавил во что-нибудь менее ценное, но сидящая напротив добыча улыбалась так покорно, что интуиции было предложено заткнуться и как можно скорее.

После сока он предложил перейти к более крепким напиткам и, на свой страх и риск, съездить на экскурсию с дегустацией вин:

- Крымские вина – они, знаешь ли... – и тут, кстати, вспомнил: – Как же там у Цветаевой?
- Драгоценные?
- «Уф, не зря учил!»
- Точно. Ты тоже помнишь это? Я еще Волошина обожаю...

Да, с театром он определенно не промахнулся. В такси, когда утомленная просветительскими речами и бессчетными стаканами полусладкого и полусухого девушка прикорнула на его плече, Константин поспешил поздравить себя с победой, и правильно сделал. У отеля последовало приглашение в номер. Вот и славно. Три дня по нынешним временам – это уже очень достойно, это тебе не три часа – поулыбалась, поломалась – отдалась. Здесь ключик надо было подбирать, да маслицем этот ключик смазывать.

- Проходи, – Людочка распахивает дверь, Константин галантно пропускает.

Нет, зря он сомневался. Зад фактурный. Отличный зад. Сиськи, правда, не его размера. Но опять же, если сзади...

– Вот с этого места, пожалуйста, – Людмила протянула ему книгу, указывая аккуратным пальчиком на абзац в центре страницы.

- Что?
- Ты разве не понял? Диктуй с этого места.
- Зачем?

– О господи! – Людмила раздраженно кинула книгу на кровать. – Я же тебе в лифте сказала: мне нужно занести кое-что в компьютер. Сейчас придет издатель. У меня не готовы материалы. Я тебя помочь прошу! А ты!

- «Издатель... Какой издатель? Сейчас придет? А как же? Черт! Опять он все прослушал!»
- Что диктовать-то?
- Вот этот абзац.
- «Истероидный тип личности...» Что это за фигня?
- Не отвлекайся, пожалуйста!

– Извини. «...Формируется, как правило, из-за частых стрессовых ситуаций в семье, в результате резкой смены настроения у одного или обоих родителей...» Зачем тебе это надо?

– Так. Для перевода.

Константин надиктовывает «чухню» битых двадцать минут.

– Все. Дальше не надо. Спасибо. А теперь извини. Надо как-то в себя прийти. Я непозволительно много выпила, а ко мне сейчас придут.

– Издатель? – он не может скрыть раздражения.

– Ага. Важная деловая встреча. – Как ни в чем не бывало, но ему кажется, что она издевается.

Делать нечего. Приходится отступить. «Издатель к ней придет. Как же! Ариадна, блин, самомнения не занимать: «Парикмахерам не врут, парикмахерам не врут! Нашлись тут душеприказчики! Цирюльники – они и есть цирюльники! Ладно, посмотрим, что за птица залетит в это гнездышко».

Мужчина занял выжидательную позицию в холле этажа. Время послеобеденное, отель словно вымер: ни скрипучих тележек горничных, ни шума воды в ваннных комнатах, ни движения лифтов. Минут через пятнадцать механизм одного оживает. Востроносенькая, миниатюрная, довольно молодая женщина волочит за руку такую же востроносенькую девочку лет десяти с ободранными коленками и хлюпающим носом.

– Быстрее же, Лара! Опаздываем.

Они робко стучат в номер Людмилы.

«Это что еще за цирк? Издатель тащит на переговоры ребенка? Бред какой-то».

Константин приложил ухо к двери. «Эх, раньше проблем с информацией не возникало. Замочные скважины были широкие. И услышишь все, что надо. И увидишь, что не надо. А теперь, кроме щели для пластиковой карты, никакого просвета! И как тут разобраться, что к чему?!»

Из-за двери доносился монотонный, перемежающийся всхлипыванием монолог старшей гостыи. Слов не разобрать. Людмила изредка вставляла короткие фразы, их удавалось различить:

– Так. Очень хорошо. Да? А она? Правда? Да ну? А ты что сказала (это, видимо, к девочке)? А потом? Да ну? Продолжай. Замечательно.

Действительно, замечательно. Лучше не придумашь! Избавиться от него, сославшись на встречу с издателем, чтобы посочувствовать проблемам подружки, – это просто великолепно!

Константин спустился в бар и два часа караулил у телефона, когда «публикаторы» уберутся восвояси. Фронт работ свободен, и он набрал номер Людмилы:

– Еще совсем не поздно. Я подумал, может быть, вечером...

– Я хочу спать! – Она бросила трубку. Ни здрасте, ни до свидания! Зараза!

Все. Он испробовал все методы. Ну или практически все. Если бы позволяло время, он бы с удовольствием прибегнул к беспроегрышному игнорированию. «Чем меньше женщину мы любим...» Пушкина можно признать гением из-за одной этой фразы, которую Константин не раз проверял на деле. Вот ухаживаешь ты, ухаживаешь: и цветочки носишь, и в ресторанах кормишь, и ручки-ножки гладишь, а она ни в какую. Ничего страшного. Пропади на несколько дней и появись, как ни в чем не бывало. И все. Она уже другая: и смотрит заинтересованно, и прижаться норовит, и упустить тебя боится. Эх, ему бы еще дня два-три, и она бы сама приползла. Но времени нет. Придется брать быка за рога. Конечно, к последнему способу прибегать не хочется. Уже два раза срывался и мучился потом. Ладно, чего уж там. Бог троицу любит.

Костюм, галстук, букет, шампанское, конфеты (пускай жрет!) – жених.

– Выходи за меня!

Заспанные круглые глаза Людмилы мгновенно превратились в злые, колючие щелочки.

– Позарился на папочкины денежки? А я все придумала, идиот! Нет у меня никаких богатеньких родителей, и цветными металлами я не торгую.

«Ну да! Ну да! Уж не на гонорары ли от переводов вы здесь проживаете? Действительно за идиота держит. Эх, встретиться мы лет пятнадцать назад, я бы весьма заинтересовался твоим батей. А теперь, сама – идиотка, он меня совершенно не... как говорится».

– И слава богу! Не думаю, что такие родители позволили бы нам быть вместе.

Глаза приобрели нормальные размеры, но искорки недоверия все еще нет-нет, да и вспыхивают.

– Ты серьезно, что ли, я не пойму?

– Серьезнее не бывает.

Все случилось. Он победил. Он ликовал. Он торжествовал. Цель все же, без сомнения, оправдывает средства.

Они стоят на перроне. Московский поезд тронется через десять минут. Мила тихонько всхлипывает, уткнувшись в шею Константина. Он дышит цветочным ароматом шампуня и думает, что максимум через полчаса из его памяти начнет стираться не только запах, но даже оттенок волос этой женщины.

– Ты ведь скоро приедешь?

– Да, дорогая!

– Как только закончишь дела?

– Да. Мы же договорились, помнишь? Мы ведь женимся.

– Ты только звони, ладно?

– Конечно, я же записал номер.

– И я тебе буду звонить.

– Звони хоть каждый день, милая. У тебя же все есть: и телефон, и адрес.

«Так что давай-давай. Звони, приезжай, даже пиши, если хочешь, «на деревню дедушке»».

– Мне пора.

Последние суетливые объятия, скомканный поцелуй, окрик с подножки:

– Звони скорее!

– Буду звонить каждый час.

Константин подождал, пока поезд отползет достаточно далеко. На платформу Людмила не спрыгнула, стоп-кран не дернула, хотя он жутко боялся, что она сделает это. Уж слишком бурной оказалась лавина ее чувств. Странно, что такая эмоциональная дамочка – в постели просто вяленая рыба какая-то. Как ни старался расшевелить, так и не сумел. Так что пусть катит в свою Москву к папочке-олигарху, не жалко.

Мужчина спустился на привокзальную площадь и зашел в дверь с вывеской «Куплю б/у телефоны», предварительно вынув и выкинув в урну сим-карту. Можно, конечно, поискать ту девочку, с которой познакомился в первый вечер и на которую зарегистрировал номер, сделать ей подарок. Ладно, обойдется. Он и так провел с ней от нечего делать целых три дня.

– Спасибо. Возвращаю, – Константин протянул трубку парнишке-продавцу.

– Да не за что. Пригодился?

– А то! Спасибо за помощь!

– Отчего не помочь хорошему человеку.

Родной мобильный требовательно запищал в джинсовом кармане.

– Да? – мужчина по давней привычке втянул голову в плечи, будто его застукали на месте преступления.

– Ты в аэропорту? – требовательно спросила жена.

– Уже еду, дорогая.

– Смотри, не опоздай на самолет!

– Лечу!

И Константин действительно вылетел к стоянке такси и помчался в аэропорт. Злить жену не хотелось. Она ревнива и мстительна. Стоит ей что-то заподозрить, и он в ту же секунду вылетит из семейного гнездышка. Они женаты семнадцать лет. Он – актер харьковского драматического театра, вечно на вторых ролях во втором составе. И она – наследница фабрик, заводов, журналов и пароходов. Всю семейную жизнь он обязан оправдывать одобренный ее родителями мезальянс, потому жизнь эта состояла из бесконечных отчетов о том, где был и когда пришел. Все это его, впрочем, устраивало. Особенно после того, как найденный через театральных знакомых чудо-врач в присутствии жены диагностировал у него вегето-сосудистую дистонию и предписал лечить ее исключительно майским крымским воздухом ежегодно и не менее месяца. Дети в мае еще ходили в детский сад, теперь учились в школе, жена смотрела за ними, а Константин усердно лечился. Возвращался всегда бодрым и отдохнувшим. Так было всегда, так будет и сейчас. Он спешил на такси в аэропорт и улыбался.

Плакала Людмила недолго. Лук, который украдкой подносила к глазам, выкинула еще до того, как проводник закрыл вагон. Дождалась, когда открыли туалет, поправила макияж, зашла в купе. Накрасилась не зря: в попутчиках моложавая дама и двое мужчин чуть за сорок. Вечер обещал быть интересным. И действительно: много смеялись, болтали о пустяках, играли в буриме и ближе к ночи даже выпили коньячку, но расслабиться и уснуть все равно не получилось. Женщина все-таки нервничала. Нет, звонка она не ждала. Да и куда бы он мог позвонить, если, называя номер, Людмила «ошиблась» в трех цифрах. К тому же она доверяла своей интуиции. И все же, все же промучилась всю ночь, спрашивая себя снова и снова: «А что, если я не права?» В конце концов, шестое чувство может подвести каждого, даже такого опытного игрока, как она. Ведь она была уверена, что он сбежит из ресторана, а если не из ресторана, то из театра, ну а уж если не из театра, то после визита «издателя» – наверняка. Она дала ему шанс, и не один, но он не воспользовался ни первым, ни вторым и ни третьим. А значит, либо это действительно ценный экземпляр, который заслуженно заплатит за полученное удовольствие, либо, что гораздо хуже, он действительно проникся к Людмиле неподдельными чувствами, и тогда уже ей самой придется платить по счетам.

К утру женщина поняла, что не сможет побороть искушения выяснить правду немедленно. Быстро набрала цифры, прослушала механическое сообщение: «Номер в сети не зарегистрирован» – и с облегчением рассмеялась. Все еще сжимая в руке мобильный, она вышла в тамбур. Вереницей проносились деревья, избы, полустанки. Такой же нескончаемой, не оставляющей и следа в памяти вереницей проносились, видимо, и женщины в жизни Константина. «Вот так: посадил в поезд, поцеловал, сменил сим-карту и забыл навсегда. Что ж, губная помада и лифчик помогут тебе вспомнить меня, когда жена найдет их на дне твоего чемодана. А если будешь недоумевать, откуда все это взялось? Не беда. Мое имя в твоём дневнике (ну и глупость держать его в тумбочке и даже не прятать!), которое я жирно обвела прошлой ночью красным фломастером, быстренько освежит твою память». Поезд снизил скорость. «Да, придется тебе, дружок, притормозить». Телефон защекотал ладонь.

– Да? Как все прошло? Да ну? А он? Правда? А ты что? А он? А ты? Правильно! А он? – она долго слушала, нахмутив брови. – Это естественно. Обычное поведение человека, погруженного в личностный кризис. Что? Помочь – вряд ли. Ты просто не мешай. Он разберется. Этого я не знаю. Может, через месяц, а может, и через год. Что? Конечно, звони. Какие благодарности? Это же моя работа.

– Как съездили, Людмила Петровна? – водитель мужа легко подхватил чемоданы и засеменял по перрону, то и дело оборачиваясь и по-собачьи преданно заглядывая в глаза. Годился он Людмиле Петровне в отцы, и деланое подобострастие его казалось особенно жалким. – «Сам»-то приехать не смог, – сочувственно добавил он, отводя глаза в сторону, и понимающе вздохнул: – Дела...

Она неопределенно пожала плечами. Все как всегда. Дела банкира, баллотирующегося в губернаторы, не имели к ней ни малейшего отношения. Таких людей, вечно занятых изготовлением денег из воздуха, именовали трудоголиками. В ее градации приматов он давно уже прочно занимал место в графе «равнодушные». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и у нее его подвиги и свершения давно уже не вызывали каких-либо эмоций. Она не пыталась переделать его распорядок дня, он не запоминал ее планов. Ее не волновал индекс Доу Джонса, на него навевали сон идеи бихевиаризма. Его окружали нормальные, здоровые люди, увлеченные карьерным ростом и нацеленные на результат. Ее – они же – несчастные и больные, заикленные на годовых бонусах, освободившихся портфелях и собственных комплексах. Перед ним они сидели в креслах в отутюженных костюмах, сверкая западными белоснежными улыбками, перед ней так же по-западному лежали на кушетке, ослабив тугий узел на галстук. Он не интересовался личностью, она выскабливала интимность. Он подчинялся указам ЦБ, она писала диссертацию на кафедре ЦКБ. У него были две постоянные любовницы для поддержания тонуса, у нее – случайные связи, именуемые сбором материала. Она готовила ему кофе по утрам, он приносил ей заказанные секретаршей цветы. Счастливая семья.

– Отдохнули-то, говорю, хорошо? – повторил свой вопрос шофер, услужливо распахивая перед ней дверь автомобиля.

Дипломированный психолог задержала взгляд на рекламном щите в центре привокзальной площади. Известная певица приглашала москвичей и гостей столицы в магазин одежды. «Новые коллекции...» – прочитала она и улыбнулась. Теперь она знала, как назовет новый тип курортника в своей научной работе. Людмила нырнула в недра пахнувшей достатком машины и уже оттуда лениво промурлыкала:

– Скучотища...

Китайская ваза

Когда мне было восемь лет, я разбила вазу. Старинную, из тончайшего китайского фарфора мамину любимую вазу. И в первый раз решила прикинуться невиновной. Стараясь не встречаться с мамой глазами, я показала на закрытую дверь в детскую и пробормотала:

– Это Лиля. Она случайно.

Лили старше меня на шесть лет. И в тот момент, когда я грохнула произведение искусства, она рыдала за стеной о своей потерянной жизни. Мама, к моему удивлению, только покосилась на закрытую дверь и молча подмела осколки. У Лили был переходный возраст, и к ней лучше не приставать. Так из-за несносного характера старшей сестры мое вранье осталось безнаказанным.

В следующий раз я попробовала доказать свою невиновность, когда принесла в дневнике первую тройку по математике. Не то чтобы меня сильно ругали. Может, даже и не собирались. Но на всякий случай я выпалила:

– Не понимаю, за что. Я только один пример не решила. У Тони то же самое, но ей четыре поставили. Просто математик меня не любит.

Мама сказала:

– Бывает.

А я, даже перестав впоследствии делать домашние задания по алгебре и плохо разбираясь в предмете, сама поверила в то, что причина моих троек кроется в незаслуженной нелюбви ко мне несправедливого учителя.

На выпускной я хотела сделать завивку, но у парикмахера, которому позвонила за целых два дня, не нашлось свободного времени. И что они себе думают в этих парикмахерских? Вокруг столько женщин, желающих стать красивыми, а в день они способны обслужить десяток-другой клиенток, не больше!

Вступительные в первый раз я провалила, потому что учебник, с которого тайно списывала, шлепнулся в проход. Ну зачем производители делают такие скользкие обложки?! Из-за того что книга не способна удержаться на коленях, пришлось потерять целый год на подготовительных курсах, а родителям – кучу нервов и несколько хрустящих конвертов.

На пятом курсе меня собирались послать на стажировку в Америку. На собеседовании щеголь в отутюженном костюме восхищался моими знаниями английского и, кажется, пытался кокетничать. А чем еще я должна была объяснить его доверительный полусшепот и игриво заданный вопрос:

– А что вы будете делать, если кто-то из студентов в Беркли проникнется к вам симпатией и предложит остаться в Калифорнии?

– Не задумываясь, выйду замуж за любимого, – тут же выпалила я и, приблизив к американскому костюму свое лицо, так же доверительно прошептала: – Хотя, между нами, лучше бы это сразу оказался профессор.

И чем, вы думаете, закончился этот совершенно безобидный флирт? Отказом в получении визы! Теперь из-за воспылавшего чувствами ревнивца в Америку я попаду только после свадьбы. В общем, нескоро.

А чего стоит неделя, которую я проработала в дизайнерском бюро?! Во-первых, находилось оно бог знает где, почти в Красногорске. И если учесть, что жила я тогда в Бирюлеве... Короче, вы меня понимаете. Конечно, все пять дней моей скоропостижно скончавшейся работы я опаздывала. А разве можно нормально рассчитать время, если едешь на другой конец города в час пик? Очередь на маршрутку, давка в метро и снова очередь на маршрутку. Правда, если быть уж совсем честной, пару раз я проезжала нужную остановку, потому что не могла оторваться от светской хроники. Я фанат глянцевого журналов, но я совершенно ни при чем,

что как раз на той злополучной неделе Джулия Робертс наконец вышла замуж, и все издания как один печатали снимки счастливой невесты.

О чем это я? Ах да! О дизайнерском бюро. То еще было местечко, скажу я вам: цоколь, вход со двора. Вывеска? Какая там вывеска? Так, табличка у двери: «Студия Антуана Крола». Конечно, я заблудилась. Неудивительно. Даже если бы девушка из кадрового агентства повторила мне десять раз, а не два, как она это сделала, про вход со двора и табличку, любой бы на моем месте направился к стеклянным дверям со стороны улицы, над которыми плясали разноцветные буквы самодовольной надписи «Лучший дизайн». И скажите мне, вы смогли бы скрыть свое разочарование, если бы через пять минут после пребывания в мраморно-золотом великолепии светлых залов оказались выдворены в затхлую каморку, заставленную каталогами, и обнаружили, что дизайнер Антуан Крол – всего-навсего Антон Крольчихин, с которым вы когда-то вместе посещали кружок изо и даже пару раз ходили в кино и который сейчас вас просто-напросто не узнал. Вот и я не смогла. Вылетевшая фраза «Я думала, вы... а вы...», которую я произнесла то ли из-за нерадивой девицы из агентства, то ли из-за конкурентов Антуана, разместивших над своим порогом столь кричащую вывеску, то ли из-за самого Крольчихина, окинувшего меня безразличным взором, стала первым шагом к закату моей карьеры в этой сомнительной фирме.

В мои обязанности вменялась переписка с зарубежными партнерами, которые, будучи зомбированными уважаемым видом г-на Крола на международных выставках, согласились поставлять ему под заказ свою продукцию. На второй день работы я должна была отправить заказ на фабрику плитки. Исправно переписала цвета и количество, щелкнула мышкой и вернулась на сайт знакомств. Через пару часов итальянский менеджер попросил указать артикулы нужной нам плитки. Эти необходимые итальянцам комбинации из шести цифр Антуан хранил записанными на малюсеньких кусочках расколотой плитки, которые демонстрировал клиентам в качестве образцов. Но это я узнала потом. А вначале эти цветные квадратики, треугольнички и непонятно что еще показались мне просто грудой сложенного в углу мусора, от которого я – инициативный, трудолюбивый сотрудник – поспешила избавиться. Образцы товара перекочевали на свалку, шеф, из-за неаккуратности которого они там оказались, мирно беседовал в кабинете с клиентом, а я торопливо листала каталоги в поисках выхода. В тот раз мне удалось выручить начальника. Я пообещала себе не обращать внимания на царивший в студии беспорядок, и это почти удалось. Я всего лишь два раза вылила недопитый кофе Антуана, один раз опрокинула мольберт и раз пять продиктовала клиентам неверный адрес, но лишь потому, что всюду были разбросаны визитки со старыми координатами студии, которые я механически зачитывала в телефонную трубку. В общем, к пятому дню пребывания в студии я была окончательно измотана, и отсутствие начальника на рабочем месте меня определенно обрадовало. Он приехал в середине дня и молча положил передо мной свой заграничный паспорт. Я изумленно посмотрела на него. Антуан раскрыл его на странице со свежеполученной визой и ткнул в даты.

– И что? – не поняла я.

Все так же в зловещем молчании он бросил мне факс от испанской компании с приглашением посетить их стенд на выставке, которая пройдет в Валенсии с такого-то по такое-то. Я переводила взгляд с факса на визу и обратно. Понадобилось некоторое время, чтобы осознать: даты не совпадают.

– Когда я писала заявку в агентство на оформление визы, ты несколько раз повторил из кабинета «с 25-го по 30-е». Что я должна была написать?

– Я разговаривал по телефону. Меня плохо слышали. И я говорил о том, что с 25-го по 30-е буду в Москве. А написать ты должна была то, что написано в факсе, – отрезал Антуан и удалился открывать дверь прибывшему клиенту.

Через пять минут Крольчихин распахнул дверь кабинета и рявкнул:

– Лена, принеси образцы плитки. Те маленькие. Они в углу лежат.

В общем, из-за грубости и халатности начальника я схватила сумочку и поспешила удалиться, даже не намекнув на выходное пособие.

Думаю, вы уже прекрасно поняли, что во всех этих злключениях нет ни капли моей вины. Кстати, злключений у меня не так уж много.

Во-первых, мне все время попадают странные карандаши. Их невозможно заточить. Каждый раз заточенной оказывается лишь одна половина грифеля, а при попытке освободить от стружки вторую половину стержень неумолимо ломается. Я бы не называла это злключением. Если бы я работала чертежником или дизайнером, как Антуан Крол, тогда, конечно, это было бы проблемой. А так, какой смысл писать на фабрику, что они производят дерьмовые карандаши, если я пользуюсь их продукцией раз в полгода?

Лиля, правда, карандаши точить умеет. Я видела, как она мастерски превратила цветные палочки в набор карандашей для своего сынули. Но у меня есть подозрение, что этот навык проник в ее тело вслед за грудным молоком, как жизненно необходимый для воспитания ребенка. Возможно, с появлением собственного младенца я тоже начну покупать правильные карандаши. Я надеюсь. Поэтому возмущенные меседжи руководству фабрик зреют пока только в сознании.

Во-вторых...

– Разрешите?

Склонившийся надо мной тип в солнечных очках определенно хочет сесть рядом, а моя сумка заняла добрую половину соседнего сиденья. Естественно! Разве могла она удержаться на коленях при такой тряске?! Я думаю, что водителей троллейбусов специально учат срываться с места, когда два-три пассажира все еще стоят за турникетом и жаждут попасть в салон. А тормозят эти асы дорог исключительно в самый последний момент, с визгом проскакивая останки.

– Пожалуйста, – я беру сумку, и солнечные очки, едва не плюхнувшись мне на колени, кокетливо говорят:

– Спасибо.

Я сдержанно киваю и даже бросаю быстрый изучающий взгляд. Вполне ничего. Я бы даже сказала: выше среднего. Ботинки чистые, брюки со стрелками, пальто не содержит видимых следов перхоти, а безымянный палец – обручального кольца. Жаль, нельзя рассмотреть глаз.

– Не подскажите, далеко до «Академика Янгеля»?

Я собираюсь повернуться, взмахнуть ресницами и ответить, но бабушка напротив опережает:

– Пятая остановка.

И мой сосед обращается уже непосредственно к ней:

– А не знаете, где там...

Правильно. Бабушки всегда все знают, а молоденькие женщины витают в облаках. Дерзай, незнакомец с оценкой выше среднего! Лучшего справочного бюро тебе не найти. Я равнодушно отворачиваюсь и пристально рассматриваю через стекло проплывающую мимо рекламу кофе.

Кофе, кстати, и есть мое второе злключение. Кофе всегда оказывается где угодно: на плите, на блузке, на столе, но только не в моей чашке. Можно по пальцам пересчитать те дни, когда удалось выпить его без всяких происшествий. Такое ощущение, что люди специально выжидают момент, когда я собираюсь насладиться этим напитком, чтобы отвлечь меня. Нина, Таня, Валя и еще целая куча народа специально набирают мой номер, как будто на расстоянии чувствуют, что вода в турке начинает закипать. А начальник стремительно вылетает из кабинета именно в тот момент, когда его секретная видеочка показывает: «Внимание! Лена взяла полную чашку и осторожно проносит ее над своей белоснежной кофточкой».

– Девушка!

Я вздрагиваю. Если бы в этот момент я пила кофе, то с бежевым плащом определенно пришлось бы проститься.

– Телефон!

Наверное, у меня слишком отсутствующий вид, потому что сосед приподнимает очки и обращается ко мне уже как к умалишенной:

– У вас телефон звонит.

Точно. Интересно, сколько времени пассажиры раздражаются от зажигательного «Vambaleo», разрывающего мою сумочку?

– Да, – рывкаю я в трубку.

– Елена!

– Буду через десять минут, Ирина Эдуардовна, – елеино щебечу я.

Это звонит мое третье злословие: жена начальника. Пять лет назад она безуспешно попыталась сделать так, чтобы мои ноги перестали быть лицом компании. Этому ей не удалось, зато удалось другое: лицом компании по-прежнему являются мои ноги, а не мои мозги. Стареющая кикимора решила, что раз я так необходима в приемной ее мужа, то буду находиться там как можно дольше, хотя девочки, занимающие это место до меня, оказывались кто в отделе маркетинга, кто у рекламщиков уже через год работы. Когда я пытаюсь намекнуть шефу, что неплохо бы подыскать мне замену, он неизменно отвечает, что два моих иностранных нужнее всего именно на месте секретаря. «И потом, Леночка, – любит повторять он, – Ирина Эдуардовна без вас просто не справится!» Ирина Эдуардовна – не просто его жена, она еще и наш коммерческий директор, закидывающий меня корреспонденцией с отчетами, обзорами и предложениями, которые надо переводить для партнеров. Думаю, начальник прав. Его драгоценной женошке пришлось бы изрядно побеспокоиться, реши я покинуть свое насиженное кресло. Неизвестно, кто может прийти на смену. Вдруг кто-то помоложе и посимпатичнее, кто-то, кто будет бросать томные взгляды в сторону ее мужа, а не торчать, как я, день-деньской у компьютера.

Так что, как видите, из-за прихоти и необузданной ревности старой тетки к возможным конкуренткам я в свои тридцать, с высшим образованием и двумя языками все еще продолжаю (и это после пяти лет в одной организации!) работать секретарем. Скажете, можно попытаться поменять работу? Некоторые мои друзья (бывшие) тоже так считают. Я страшно обижаюсь! А где, скажите, пожалуйста, гарантии, что на новом месте не найдется еще одна жаба, подобная Ирине Эдуардовне? Нет уж, увольте. Эта хотя бы своя: родная и предсказуемая.

Я отключаю мобильник. Выслушаю претензии попозже. Не оправдываться же здесь перед всем троллейбусом.

– Симпатичный.

– Что? – не понимаю я. Может, это сосед о себе? Вполне даже очень возможно. Теперь, без солнечных очков, я бы поставила ему, пожалуй, все пять с минусом. Минус, конечно, за езду в троллейбусе. Глаза синие, умные, без нарочитого нахальства, но самоуверенные. Хотя взгляд немного растерян, брови приподняты, а лоб на мгновение превращается в шкурку шарпея. Это, наверное, оттого, что я ужасно непонятливая.

– Телефон у вас симпатичный, – объясняет он. Ой, и голос приятный. Низкий такой, с хрипотцой, как же я раньше не заметила! – Дадите?

– Что? – опять спрашиваю я, потом до меня доходит: ему надо позвонить, и я протягиваю мужчине трубку: – Пожалуйста.

– Нет-нет. У меня есть, – хлопает себя по карману. – Номер дадите?

– Какой?

Сосед хмурится и вновь превращается в смешную собачку. Да, от тридцати до сорока все мимические морщины уже проложили свои тропинки. Он, увы, не исключение.

– Свой. Свой номер телефона.

– Зачем? – оторопело говорю я, чем повергаю мужчину в крайнюю степень смущения. Бедняга. Он ведь не знает, что четвертое мое злословие – общение с кавалерами. Точнее, их общение со мной. Я настолько привыкла, что мне все время попадаются не те, а те, что попадаются, надолго не задерживаются, что уже не могу распознать обычную заинтересованность мужчины.

Первым моим воздыхателем был Рафик. С ним мы расстались из-за «Запорожца». Нам было по семнадцать, он приглашал меня в кафе, кино, на танцы, а в один прекрасный день пригласил на заднее сиденье папиного «Запорожца». Дело было зимой, и Рафик завел драндулет, чтобы мы не замерзли. И вот тогда, когда дело близилось к кульминации, моя нога, болтавшаяся между передними сиденьями, включила эту штуковину, которая почему-то называется коробкой передач, хотя ничего общего с телевизором не имеет, и «Запорожец» покатился.

– Кажется, машина едет, – страстно прошептала я своему кавалеру. Разгоряченный Рафик не сразу обработал информацию, а когда наконец уловил смысл моего вдохновенного шепота, дернулся вверх и сильно ударился головой о крышу машины. В общем, звук следующего удара «Запорожца» о дерево он уже не слышал. Больше мы не встречались, а все из-за того, что он дернулся слишком сильно и отключился именно в тот момент, когда надо было как-то остановить эту чертову железяку.

Вторым серьезным мероприятием, на которое я успела возложить большие надежды по совместному проживанию, стал Артур. С ним все расстроилось из-за мимозы. Был мой день рождения. Двадцать лет. Я пришла из парикмахерской, страшно гордая своим внешним видом: каре на ножке, тонирование, вечерний макияж. Уже в прихожей мама начала подавать какие-то таинственные сигналы, глупо улыбаться и косить глаза в сторону моей комнаты. Я поспешила в свою обитель: на полу, на стенах, на потолке, – всюду были орхидеи, а посреди всего этого великолепия стоял Артур и протягивал мне маленькую бархатную коробочку. Я открыла, затаив дыхание. Там лежали сережки. Красивые, даже, кажется, с бриллиантами. Но сережки!

– Ну, как? – спросил романтик-Артур.

– Нормально, – проронила я. – Хотя, знаешь, мимоза мне нравится больше.

И Артур исчез из моей жизни. А все из-за того, что осенью не продают мимозу. Хотя нет, кое-что он все-таки оставил: сережки, которые я так и не носила. Они, признаться, тоже были не ахти.

Третье мое мрачное воспоминание – Андрей. С ним мы познакомились на работе, а сейчас, если встречаемся в столовой, стараемся быстрее разойтись по разным углам. Мы терпеть друг друга не можем. А все из-за... Да, в общем, какая разница?

Конечно, между этими тремя персонажами были и другие. Но все больше эпизодические, не претендующие на главную роль в моей судьбе. Да и сейчас время от времени кто-то возникает на горизонте, но по каким-то, уж поверьте, совершенно не зависящим от меня причинам, исчезает так же внезапно.

Сегодняшнее знакомство грозило закончиться, так и не начавшись. Троллейбус уже подруливал к моей остановке. Я быстро нацарапала выуженной из сумки ручкой десять цифр и буквально выпала из сомкнувшихся за спиной дверей.

Звонок раздался примерно через полчаса. Я уже закончила переводить два из пяти заказанных Ириной Эдуардовной посланий и вознамерилась сделать перерыв, как вдруг: «Vamboleo»!

– Алле...

– Э-э-э. Алле. Здравствуйте.

Да-да, тот самый приятный хриплый баритон. Еще через пару «э-э-э» мы выясняем имена друг друга и договариваемся поужинать.

– Да, прямо сегодня. Что вы? Что вы? Я совершенно свободна. То есть, конечно, еще десять минут назад я была страшна занята. Да-да, были планы на вечер. – Ага. Покормить кошку и посмотреть новости. – Но только что неожиданно отменились. Что? Да, вам повезло. Да, до встречи.

Остаток дня я думаю только о предстоящем свидании. Сажаю нелепые ошибки в письмах и, кажется, даже заметив, все равно нажимаю клавишу «отправить». Глупо улыбаюсь замечаниям крашеной выдры, хотя обычно на два ее слова у меня находится десять. Соглашаюсь сделать ксерокс с принесенных шефу на подпись листов с вариантами рекламных слоганов, а раньше всегда небрежно предлагала менеджерам справиться своими силами. Короче, я сама любезность. Готова даже перевыполнить план, хотя после нескольких лет безуспешных прыжков выше головы уже потеряла всякий интерес к проявлению инициативы.

– Это какая реклама? – спрашиваю я, кивая на лениво выползающие листы.

– BFL, – важно отвечает менеджер. Ну, конечно! Откуда нам, секретарям, знать, что это такое?!

– Сама вижу, что не AFL, – пренебрежительно говорю я, не обращая внимания на его изумленно подскочившие брови. – Что рекламируем?

– Одежду. Какая, по-твоему, должна быть одежда? – О! Он уже признал во мне профпиарщика и даже готов выслушать совет.

– Чистой, – категорично говорю я, приказывая себе этим прилагательным забыть о кофе. Сегодня моя одежда должна остаться безукоризненной.

Я поминутно выглядываю в окно. Если пойдет дождь, то с мечтой о безупречной внешности придется проститься. Непогода всенепременно превращает левое голенище моих белых «Carnabi» в отвратительное скопление темных брызг. Сегодня везет. Есть надежда добраться к месту встречи незапятнанной и, главное, – вовремя. Моя эксплуататорша отбыла в неизвестном направлении пару часов назад, а шеф никогда не задерживает. Я не отрываю взгляда от стены: стрелка на ходиках приближается к семи. Снова и снова прокручиваю в мечтах сцены грядущего свидания: цветы, шампанское, свечи, – в общем, обычная ерунда, разрывающая мозг наивных романтических барышень. И хотя я уже не раз убеждалась, что варианты с примитивным Макдаком или заштатной пивнушкой встречаются гораздо чаще, упрямо продолжаю рисовать в голове галантного кавалера. Вот он учтиво отодвигает стул, вот взмахивает белоснежной салфеткой и смущается, когда, раскладывая ее, дотрагивается до моих коленей, вот заказывает вино, отпивает глоток и небрежно кивает официанту в знак одобрения. Вот нежно смотрит на меня и ласково улыбается в усы. Стоп! Какие усы? Сегодня у нас очки. Усы были в прошлый раз. Значит, он смотрит на меня через очки... Тьфу! Очки-то солнечные. Короче, какая разница! Он просто смотрит на меня и...

И уже пятнадцать минут восьмого! Черт! Черт! Черт! Через четверть часа у меня свидание, которому я посвятила целый день, а я все еще сижу, как прищипленная, у компьютера и пялюсь на проклятые ходики. Меня просто загипнотизировали бегающие по кругу стрелки, и теперь уже бежать придется самой.

Через пару кварталов сбавляю темп. Не хватало еще явиться запыхавшейся! Пусть и не воображает, что я торопилась.

– Елена!

Еще десять раз черт! Кавалер за моей спиной и, конечно, видел, как я неслась галопом несколько секунд назад.

– Я уже минут пять бегу за вами! Но вы так спешите!

– Я не спешу, э-э-э...

– Вадим.

Кажется, поверил, что я не запомнила его имя. Один – один.

– Я не спешу, Вадим. Я бегаяю. Я совсем забыла, что на сегодняшний вечер была запланирована пробежка, и так как мне показалось невежливым отменить нашу встречу в последний момент, решила потренироваться сейчас, понятно?

– Вполне. – Ну да, ему вполне понятно, что девица, которую он зачем-то пригласил поужинать, – законченная идиотка.

– Это вам.

Я сдержанно киваю:

– Спасибо.

Беру букет роз, улыбаюсь. Дальше все развивается по моему сценарию: вполне приличный ресторан, хорошее меню, свечи, небрежные кивки официанту, томные взгляды, переход на «ты». Я улыбаюсь. Я уже готова писать следующую сцену и даже играть ее. Я томно вздыхаю, вникая в тяготы жизни банковского клерка, качаю головой, закидываю ногу на ногу и... О, нет! Ресторан не такой уж и приличный! Где это видано, чтобы в приличных ресторанах столы рассыпались прямо на глазах?! Из нашего, например, торчит щепка. И из-за этой малюсенькой щепочки на моих колготках теперь красуется длиннющая стрелка. Я замираю и распахиваю глаза от ужаса.

– Что с тобой?

– Все... Все в порядке!

Боже мой! Все просто ужасно! Как я теперь встану? Колготки – мое пятое злоключение. Они всегда, всегда рвутся в самый неподходящий момент, а запасные, как назло, оказываются в другой сумочке. Деревянные стулья, длинные ногти, витиеватые кольца – мои злейшие враги. Теперь я буду ненавидеть этот стол, этот ресторан, этот вечер до конца жизни! Я в компании приятного, образованного, симпатичного, уже почти влюбленного. И я в рваных колготках!

– Лена, ты меня слушаешь?

– Да-да!

Кажется, мне надо в туалет. Нет, только не это! Не сейчас! Как же встать? Загородить ногу сумочкой? И пинать ее коленкой через весь ресторан? Взять с собой салфетку? Нет. Их принято оставлять на стуле.

– Ты со мной согласна?

– Да-да.

Так как же все-таки встать? А может, быстро повернуться к нему задом? Туалет ведь у входа. Я быстренько развернусь и пойду, как ни в чем не бывало. А обратно? Пятясь как рак?

– Ты ничего не ешь!

– Да-да.

– С тобой точно все нормально?

– Да. Нет. То есть, конечно, да.

– Попросить счет?

– Нет. Да. Как хочешь.

Он расплывается.

– Пойдем?

Я нервно сглатываю и выдавливаю:

– Я, пожалуй, еще посижу.

Мужчина, с которым я мысленно уже успела прожить лет сорок, уходит. Он уходит, а я остаюсь воровато оглядываться и поджидать момента, когда ни один глаз не будет скошен в мою сторону и я смогу наконец подняться. Он ушел, не спросив, когда мы увидимся снова. Конечно, у него есть номер моего телефона, но что-то подсказывает мне, что он вряд ли захочет снова набрать его. А мы ведь могли быть счастливы вместе, нарожать кучу детишек и умереть в один день. Подумать только, мое счастье разбилося из-за двух сшитых по шву кусков нейлона! Жизнь разбилася из-за колготок!

А ваза, кстати, тогда разбилась из-за табуретки. У табуретки, на которую я взгромоздилась, чтобы достать со шкафа спряятанный туда родителями кулек с конфетами, отвалилась ножка. Естественно, я упала. Падая, задела рукой вазу, и она шмякнулась на пол вслед за мной. Видите, все из-за табуретки, точнее, из-за ее ножки, или из-за конфет, убранных так высоко, или из-за мамы (это ведь она убрала конфеты!). Короче, я здесь совершенно ни при чем!

Самый лучший день

Телефон зазвонил еще до того, как она успела почистить зубы. И хотя с ее больными ногами сделать это было довольно трудно, Галина Николаевна с довольной улыбкой на лице почти выбежала из ванной. Она так вчера и загадала: если первый звонок раздастся до завтрака, то ежегодный сюрприз и замечательное настроение ей гарантированы. И вот: пожалуйста.

– Аллю? – прокричала она, запыхавшись. – Аллю?

В трубке не раздавалось ни звука. Галина Николаевна еще несколько секунд пыталась установить контакт с невидимым собеседником, но никто так и не отозвался. Она постояла какое-то время рядом с аппаратом, надеясь, что перезвонят, но не случилось. Галина Николаевна не стала расстраиваться. Она ведь загадала именно звонок, а не поздравления, так что можно считать, что день начался так, как надо.

День рождения Галина Николаевна Торжкова любила всегда. Рассуждения о том, что этот праздник хорош только в детстве, вызывали у нее искреннее недоумение. Конечно, она понимала и принимала тот факт, что по прошествии лет уже не с таким восторгом и упоением ждет подарков, с каким предвкушала их получение маленькая Галочка. Но, тем не менее, относилась к тем неисправимым оптимистам, которые способны не только глубокомысленно рассуждать о том, что в каждом возрасте есть свои достоинства, но и искренне в это верить.

Возможно, это связано с тем, что первый день рождения, который помнила Галина Николаевна, был скорее грустным, чем веселым. Они с мамой тогда находились в эвакуации и дней за десять до Галочкиного пятилетия получили похоронку на отца. Мама плакала. Галочка тоже, но больше из солидарности, чем от горя. Шел сорок четвертый год, и папу девочка помнила только по фотографиям, поэтому и не могла почувствовать ужаса постигшей ее утраты. Кроме того, без отцов за три года, что они жили в Уфе, остались почти все знакомые ребята, поэтому теперь Галочка ощущала сопричастность к общей беде, и от этого казалась самой себе даже лучше, чем прежде.

– Прости, Галчонок, – сказала мама в тот день с утра, – я хотела устроить тебе сюрприз: позвать ребят, сварить мамалыгу, но просто не могу сейчас, понимаешь?

Галочка кивнула, разглядывая нахмуренное мамино лицо, ввалившиеся от недосыпа и вечной усталости глазницы, бледные осунувшиеся щеки и скорбно сжатые губы. Галочка не расстроилась: ребята и без того были не редкими гостями в их восьмиметровой комнатухе, а мамалыга давно уже не казалась лакомством. Вот если бы мама пообещала еще раз принести те удивительные сушеные абрикосы, которые диковинно пахли кисло-сладким и странно звались курагой, а потом не принесла бы, тогда Галочка бы обиделась и даже, наверное, похныкала. Уж очень вкусным лакомством показалась скудная оранжевая горстка, которую мама вложила ей в ладошку полгода назад, сказав:

– Жуй, Галчонок. Ташкентская. Угостили меня.

Галочка все ждала, что маму угостят еще раз, но больше такой радости не случилось: приходилось довольствоваться мерзлой картошкой, тоненькими кусочками хлеба и остатками кускового сахара, ну и все той же мамалыгой. Так что Галочка не расстроилась. Ну что за сюрприз: ребята и помидорная каша? Есть – есть, а нет – так и не надо. Главное: мама что-то говорила про подарок. Тогда еще, до похоронки, все подмигивала и загадочно поддразнивала:

– Что у меня для тебя есть...

И Галочка все пыталась отыскать: заглядывала в шкаф, под кровать, в скособоченный буфет, но не находила ничего хоть сколько-то похожего на заветное слово «подарок». Воображение рисовало дивные картинки: мама ставит перед ней велосипед, как у Витьки Рыжова. Конечно, у Витьки был здесь комиссованный батя, и хоть вернулся тот с фронта без левой руки, но все же одной правой велосипедик сыну справил. Месяц ковырялся с какими-то желе-

зяками и деревяшками, молча выслушивал упреки жены в том, что «зима придет – топить нечем будет», терпел ехидство соседей, которые, не стесняясь, крутили пальцем у виска и перешептывались удивленно: «И ради чего старается?» А потом стоял посреди двора, смотрел, как его восьмилетний сынишка выделывает круги на собранной игрушке и смеется в голос, и все повторял:

– Ради счастья, ради счастья.

И хотелось Галочке такого же счастья. Пусть не велосипед. Она и кататься-то на нем не умеет. Конечно, Витька ей не дает, но даже если бы и дал, она не стала бы пробовать: боязно. А вот куклу, как у Наташки Пыжовой, она бы хотела. У куклы, которую Наташка любовно называла Настенькой, потеряны правая рука и левый глаз, но эти недостатки не делали ее менее привлекательной для Галочки, у которой кукол не было вовсе. Девочка оказалась в эвакуации двухлетней малышкой, и были у нее из игрушек только мячик и старенький зайка с оторванным ухом, поэтому Настенька казалась ей необыкновенной красавицей, которую можно водить за уцелевшую руку, кормить воображаемой едой и даже класть спать: единственный глаз закрылся. Вот и рисовало Галочке воображение, что загадочно улыбающаяся и подмигивающая мама припрятала для нее что-то совершенно необыкновенное и прекрасное. И никакая мамалыга, никакие гости ей не нужны. Она просто хотела получить наконец вожделенный подарок. Но мама не торопилась отдавать его. Она, казалось, вовсе забыла о присутствии Галочки. Все сидела на кровати, держала Галочкину руку и медленно раскачивалась из стороны в сторону, механически повторяя:

– Не могу, понимаешь? Не могу...

– Мам, а подарок? – напомнила девочка.

– Что? – Мама взглянула куда-то сквозь Галочку и вдруг очнулась: по губам даже скользнула легкая тень улыбки: – Ах да! Ну, конечно! Как я могла забыть? – Она вскочила с постели и распахнула дверцы шкафа, зашуршала какими-то вещами на верхней полке, вытащила что-то из-под них, обернулась к дочери и торжественно произнесла:

– Это тебе.

Галочка с любопытством разглядывала кусочек непонятной соломки, повязанный цветными тряпочками. Потом спросила:

– Это венчик? Смешной. – Девочка отложила подарок в сторону. – А что еще у тебя есть?

Теперь по лицу матери пробежала туча. Она взяла непонятный предмет в руки, снова повертела им перед глазами Галочки.

– Разве ты не видишь? Это же куколка.

– Куколка? – Подбородок Галочки обиженно задрожал. Куколка была у Наташки, а этот странный предмет с торчащими в стороны соломенными ручками, соломенным телом, одетым в полинявший лоскуток, и соломенной же головой, покрытой еще одной выцветшей тряпочкой и не имевшей ни намека хотя бы на один, пусть даже и не закрывающийся глаз, – он напоминал, напоминал: – Э-э-то ве-е-еничек, – протянула девочка, сообразившая, что других подарков не предвидится, и расплакалась в голос. Мама обняла ее, притянула к себе, стала целовать в макушку, и Галочка чувствовала, как на ее подбородок капают горячие мамины слезы. Мама крепко держала ее и успевала между всхлипами и поцелуями быстро-быстро говорить:

– Я тебе обещаю, Галчонок, у тебя будут самые лучшие в мире куклы, слышишь? И день рождения станет самым лучшим днем в году. И всегда таким будет. Ты только верь, Галчонок! Верь мне, слышишь? Ты веришь мне? Веришь?

И Галочка сама не заметила, как она уже весело улыбалась и тоже крепко обнимала маму, и кивала ей в ответ, и говорила, смешно и специально картавя:

– Велю, велю.

И мама не обманула. Следующий день рождения они уже отмечали в Москве. Вернулись всего за несколько дней до события, и так случилось, что Галочкин праздник превратился в общую эйфорию от встречи после долгой разлуки. Вокруг было столько новых для девочки, но сразу же близких и родных лиц, которые улыбались одно шире другого, заливисто хохотали и произносили речи то в честь именинницы, то в ознаменование грядущей великой победы, что Галочка как-то сразу поверила: этот день – день ее рождения – и правда, самый-самый лучший в году. И теперь – она в этом уверена – так будет всегда.

Так и вышло. Школьницей Галочка предвкушала свое появление в классе с вплетенными в косы нарядными белыми лентами и мешком шоколадных батончиков в руках. Она знала, что ее вызовут на середину, станут ставить в пример и говорить, что сегодня «всем выпала честь поздравить умницу и красавицу», а она будет заливаться краской и смущаться, а потом пойдет по рядам, останавливаясь перед ребятами и протягивая мешочек с батончиками. И каждый одноклассник возьмет, и зашуршит оберткой, и искренне пробурчит довольное «спасибо», а Вовка Лопата (Лопаткин потому что) обязательно спросит:

– А можно два?

И тогда она улыбнется, кивнет, покраснеет еще пуще и еле слышно ответит:

– Тебе можно.

Галина Николаевна тяжело встала с кресла, в которое уселась с книгой после того, как завершила утренний туалет, и склонилась над тумбочкой. Через мгновение она выудила оттуда прозрачный целлофановый пакет, наполненный соевыми батончиками, и с наслаждением понюхала находку. Да, нынешние малыши вряд ли оценят такое угощение. Им подавай шоколадные яйца и мармеладных мишек, но ее соседки наверняка порадуются этому вкусу из детства. Ведь у каждой из них были и косы, и ленты, и свой Вовка Лопаткин, и мешок батончиков.

Галина Николаевна оставила конфеты на тумбочке, чтобы не забыть попозже пройти по этажу и всех порадовать. Она любила доставлять людям удовольствие, а уж в ее день рождения должно быть хорошо и счастливо абсолютно всем на земном шаре. Студенткой Галочка обожала собирать подруг и, выслушав ворох поздравлений и приняв груду подарков, сообщать загадочным голосом:

– А сейчас мы отправимся...

И тут же град вопросов. Будто это не она – Галочка, а вокруг нее целая стая неугомных галчат:

– Куда? Куда?

– На ВДНХ?

– В Сокольники?

– В «Иллюзион», да?

– Ну, не томи же, Галка, говори!

И Галка приобретала чрезвычайно гордый собой вид и торжественно объявляла маршрут. Она никогда не повторялась: то водила всех на карусели, то на экскурсию в Политехнический музей, то приглашала на концерт собственного дяди, который замечательно играл на аккордеоне и так душевно пел «В городском саду играет...», что даже самые робкие и стеснительные девушки не могли устоять на месте: обнимали друг друга и кружились в вальсе, восторгаясь мелодией, голосом и именинницей, так замечательно все организовавшей.

А потом Галочка познакомилась с Митей. Галина Николаевна снова опустила в кресло. В последнее время это стало ее любимым времяпрепровождением – сидеть в мягком, уютном кресле и думать, и вспоминать. А какие должны быть воспоминания в самый лучший день? Конечно же, самые лучшие. Галина Николаевна взглянула на портрет мужа, что стоял на подвесной полке. Ее любимый портрет. Митю тогда отправляли на конференцию в ГДР, и для визы понадобилась фотография, а Галя, когда увидела результат, настояла на том, чтобы уве-

личить снимок. И правильно сделала. Теперь имела возможность каждую минуту убеждаться в том, каким интересным мужчиной был ее муж. Портрет сделали в пору расцвета профессора Торжкова.

Полный сил (ну, разве сорок пять – это возраст для мужчины?) и желаний (хотя желания не покидали его ни в шестьдесят, ни в шестьдесят пять), одетый в клетчатый пиджак и лукавую улыбку, он смотрел со снимка из-под очков с тем еле заметным прищуром, который выдает в человеке личность пронизательную и неординарную. Впрочем, если бы он не был таковым, Галя никогда не стала бы связывать с ним свою жизнь. Митя всегда оказывался на высоте и полностью соответствовал ее стремлениям получить от жизни только все самое лучшее. Во-первых, в отличие от большинства молодых людей в их компании, он был сыном интеллигентных родителей: разбирался в поэзии и морщился при виде торчащих у девушки из-под платья резинок от чулок. Во-вторых, говорил не о красивых Галочкиных глазках, а о том, что через год у них будет холодильник, через два – телевизор, а потом, непременно, машина. И не какой-нибудь «Запорожец», а самая настоящая «Волга», потому что он – Дмитрий Торжков – не собирается всю жизнь бегать в аспирантах. Он намерен делать научные открытия, получать звания, премии и почивать на лаврах. Почивать Галочка тоже хотела, поэтому предложение руки и сердца приняла тут же, не раздумывая. Была, правда, одна мыслишка, немного противящая предвкушение грядущего замужества. Девушка никак не могла перестать спрашивать себя: «Почему я?» При всей своей претензии на исключительность Галочка не была слепой дурехой и прекрасно понимала, что Митя мог осчастливить кого-то и покрасивее, и поумнее, и побогаче. Все-таки у него родители: мама – актриса, папа – ученый, а она что, без роду, без племени. Нет, конечно, мама у Галочки замечательная и даже образованная. Только за образование инженера не бог весть сколько платят, поэтому мама работает простой лаборанткой, чтобы оставалось время на хорошую халтуру: шитье и вязание.

– Руки всегда прокормят, а голова не везде сгодится, – наставляла она Галочку, но девушка только разглядывала исколотые иголками подушечки маминых пальцев, ее ссутулившиеся от постоянного сидения за машинкой плечи и понимала, что какая-то все же должна быть ошибка в такой философии. Нет, она знала, что мама это не по собственной воле себе устроила, все для нее – для Галочки. Ради ее каруселей, качелей, музеев и танцулек, только ради этого. Вот сейчас доделаем пальто для Гликерии Константиновны – и справим Галочке платьишко, свяжем пуловер для Татьяны – директора универмага, и будут у Галочки туфельки. Вот и все мечты. А так чтобы мечтать о машине, разве это возможно? Возможно только о швейной, да и то не о новой, а о подержанной, но все же поновее, чем та, что стучит сейчас. В общем, туфли у Гали имелись, и платья, но серьезным приданым и не пахло. Так что в Митином окружении такой союз должны были именовать не иначе, как мезальянсом. И тогда девушка никак не могла объяснить его выбор. Было приятно все объяснять нахлынувшими чувствами, и она позволила себе делать это, подобно великому множеству юных, романтических особ.

Теперь же Галина Николаевна понимала. Даже в двадцать пять лет ее муж был настолько умен и дальновиден, что выбрал в супруги идеальную спутницу. Именно такую, которая всегда будет ценить и принимать его исключительность и превосходство. И Галина Николаевна ценила. Уже через десять лет после замужества, когда почти все их друзья продолжали мыкаться по коммуналкам, они жили в отдельной квартире, а муж-профессор баловал ее роскошными туалетами, привезенными не откуда-нибудь, а из самой заграницы. Митя был самым умным: он много читал, знал наизусть великое множество стихов и мог ответить практически на любой вопрос. Митя был напористым: коллеги предпочитали соглашаться с его мнением и не идти наперекор воле профессора. Митя был самым веселым: он умел показывать фокусы, рассказывать анекдоты и играть (нет, не на аккордеоне, который пренебрежительно именовал «народным достоянием»), а на самом настоящем рояле, который занимал половину их не очень маленькой гостиной. Митя был самым-самым, и ценила его не только Галина Николаевна, но и

другие бойкие и робкие, молодые и не слишком, красивые, симпатичные и просто страшили, а Митя... Митя был самым отзывчивым. И эту сторону его широкой, неординарной натуры Галина принимала: скандалов не устраивала, расследований не проводила. В конце концов, она сама мечтала об исключительном муже, наличие которого могла бы позавидовать любая женщина.

– Как ты терпишь? – частенько спрашивали ее подруги, докладывая об очередном увлечении ее благоверного и видя лишь пустое равнодушие в глазах Галины.

А она искренне недоумевала. В ее понимании несчастными были именно они со своими верными до мозга костей инженерами, учителями, строителями, никому не нужными и не интересными, кроме своих неухоженных и замученных бедностью жен. Нет, Митя – орел, а орлу нужен полет, и он инстинктивно женился именно на той орлице, которая легко позволит ему расправлять крылья и парить на длинном поводке. И за эту покладистость и смиренность испытывал он к жене глубокую благодарность и настоящую признательность и делал все от него зависящее, чтобы дать ей то, что на самом деле составляло ее счастье: красивую одежду, дорогие украшения, отдых на море и, конечно, тот самый лучший день, который считала она для себя таким важным и таким замечательным. Именно муж отучил Галину Николаевну от привычки устраивать в этот день сюрпризы родным и близким.

– Это твой день рождения, – говорил он напутственно. – Мы должны для тебя стараться, а не наоборот.

И в своих стараниях профессор Торжков преуспевал, каждый год превосходя самого себя. То вел ее в оперу, то снимал номер в шикарнейшей гостинице, то поражал где-то раздобытым автографом Лучано Паваротти, а однажды подарил щенка. Маленькая смешная такса, которую назвали Белка, прожила с ними тринадцать лет, и все эти годы Галина Николаевна сообщала каждому новому гостю, что «эта прелесть» – сюрприз мужа к очередному дню ее рождения.

Пора было выбираться из кресла. Воспоминания воспоминаниями, но нельзя дать им полностью завладеть твоим существом. Все-таки сегодняшний самый лучший день никто пока не отменял. Галина Николаевна села за стол и взглянула на тарелку. Многим каша показалась бы совсем неподходящим блюдом для праздничного меню, но когда вместо зубов протезы, к тому же не слишком удачные и слегка натирающие, то тут уж не до кулинарных изысков. К тому же каша была гречневая, молочная, сладкая, с лежащими рядом на блюде кусочками сыра. Из тарелки поднимались пар и совершенно дивный аромат, не имеющий ничего общего с тем омерзительным запахом уфимской мамалыги, который и сейчас помнила Галина Николаевна. Женщина с аппетитом поела и взглянула на часы. Скоро напомнят о себе дети. Дети... Они всегда были ее самым ценным капиталом, ее несомненной гордостью, ее счастьем.

Старшего, названного в честь отца Дмитрием, Галина Николаевна сразу и безоговорочно признала настоящим гением, который догонит и перегонит отца во всех ипостасях. Так и случилось. Дмитрий Дмитриевич стал известным ученым, достижения которого были разбросаны по всему миру, так же как его бывшие жены и дети, которых ввиду своей известности перевести в ранг бывших он возможности не имел. Конечно, Галину Николаевну не могло не беспокоить столь вольное отношение к семейным ценностям, которыми она сама так дорожила, да и хотелось, конечно, хотя бы познакомиться с внуками – некоторым из них уже в пору иметь своих детей. Иногда она даже сокрушалась в разговорах с сыном, говорила:

– Хоть бы повидаться с кем, сыночек, познакомиться...

– Мам, как ты себе это представляешь? Мне позвонить, спросить: «Дорогая, не хочешь ли ты в благодарность за алименты, которые я исправно высылаю, выслать на пару недель в Россию нашего ребенка?»

– Почему бы и нет? На пару недель ведь. Не на всю же жизнь.

– Мам! – Дмитрий Дмитриевич театрально хватался за голову, и Галине Николаевне сразу становилось стыдно: темная она, необразованная, каких-то очевидных вещей не пони-

мает. А каких, так и не знает. Но Митенька всегда умел объяснять: – Да для них даже пару дней в нашей стране – это смертельный ужас. У нас же медведи, холод и алкаши.

– Сынок, это раньше было. Теперь уже все не так. И потом, раз эти женщины связывали с тобой свою жизнь, они же должны иметь представление...

– Ничего они не должны и представления никакого не имеют, и детьми своими рисковать не будут. Нет, ты не думай, они ограничивать их ни в чем не ограничивают. Да и я часто говорю детям «You have granny at Moscow»², так что подрастут – сами приедут.

– Может быть, тогда мне съездить туда?

– Мам, ну, ты чудная, ей-богу! Куда ехать-то? К кому? К тому, кто ни бельмеса по-русски. И что за общение у вас получится?

– Так я разговорник куплю. Договоримся как-нибудь.

– Мам, как-нибудь – это в дешевых романах, а в жизни черновиков не бывает, здесь сразу набело, так что тут думать надо, а не горячку пороть.

И Галина Николаевна осекалась, спохватывалась, корила себя. Ну, что это она, в самом деле, так Митю нервирует. Он все-таки ученый, у него степени, звания, заслуги, связи, а она просто мама, ничего не смыслящая и ни в чем не разбирающаяся. Ему, конечно, виднее, как надо жить и как строить общение с потомством. В конце концов, когда-нибудь он встретит ту, возле которой захочет задержаться. И тогда уже наступит волшебное время Галины Николаевны, и она станет помогать, и советовать, и руководить жизнью молодых. Нет, насчет руководить – это она погорячилась, конечно. Вмешиваться она, ясное дело, не будет. Назойливостью можно любую семью превратить в брак, но если попросят, то она с радостью, с превеликим удовольствием.

И попросили. Восемь лет назад Митя наконец остепенился и из лекционной поездки по университетам Сибири вернулся с невестой. Галина Николаевна была счастлива, даже позволила себе попенять сыну:

– А ехать-то как не хотел. Все говорил: «Лучше бы в Амстердам опять послали, лучше бы в Амстердам». Разве таких в Амстердаме встретишь? – И она с нескрываемой радостью рассматривала молодую, румяную, крепко сбитую здоровую сибирячку. – Краса, да и только. А детки какие будут: загляденье!

Внучок и правда вышел симпатичным, бойким и ладным. А самое главное, его отдали в безраздельное пользование Галине Николаевне. Папа – человек занятой, а мама – девушка молодая и амбициозная, приехавшая в Москву не пеленки стирать, а карьеру делать. И воспитанием Мити Третьего занималась бабушка, которая нисколько этим не огорчалась. Бывало, конечно, ворчала, что родители не уделяют ребенку внимания и думают только о себе, но вскоре и ворчать стало не на кого: сыну предложили постоянную работу в американском университете, а невестка с энтузиазмом восприняла известие о возможности продолжить строительство карьеры за границей.

– Митяя оставим пока, – без тени вопросительной интонации сообщил сын, – а то поиски няни затянутся могут, кто с ним сидеть станет?

– Не торопитесь, не торопитесь. Обживитесь пока, потом и вызовете нас.

Вызвали. Но не их, а только Митеньку.

– Мам, – Дмитрий Дмитриевич за голову не хватался и голос не повышал, говорил тоном вкрадчивым, но настойчивым: – Если ты поехать хочешь, так поедем. Только сама подумай, что ты там делать-то будешь?

– Так ведь то же, что здесь: за Митенькой смотреть.

– Мапочка, это ему сейчас шесть, а потом восемь исполнится, и двенадцать. Мам, он же в школу в сентябре пойдет, его целый день дома не будет. А ты что делать станешь?

² У тебя есть бабушка в Москве (англ.).

– Ну... – У Галины Николаевны был готов целый список из возможных ответов. И готовить, и убирать, и книги читать, и телевизор смотреть, и с соседями общаться, и...

– Убирает у нас Жози, готовит Дора, – опережая ее мысли, сказал сын.

– Это кто? Собаки?

– Мам! – Здесь Дмитрию Дмитриевичу в пору было бы схватиться за голову, но он только расхохотался. – Ну, как тебе ехать, а? Тебя бы в Америке лет на десять за такие слова упекли по обвинению в расизме. Это афроамериканки, которые нам помогают.

И снова Галине Николаевне становилось за себя стыдно и как-то даже удивительно. И как это у нее – такой клуши – мог получиться такой умный сын? Прав ведь Митенька, во всем прав, нечего ей делать в этой Америке. Он же объяснил: все говорят по-английски, телевидение тоже местное, и тарелку они ставить не собираются, чтобы у ребенка формировалась устойчивая языковая среда. А медицина? Что бы она делала сейчас в этой Америке со всеми своими болячками? Там ведь уход бешеных денег стоит. Нет, она, конечно, старая дура, а Митенька – он тогда правильно сделал, что мать не взял.

Галина Николаевна взглянула на часы. Ходики показывали десять утра. Значит, звонка от старшего сына ждать еще несколько часов. Все-таки с Нью-Йорком восемь часов разницы во времени. В самом «большом яблоке»³ Галине Николаевне побывать довелось лет пятнадцать назад. Тогда еще был жив муж. Он-то и позвал ее прокатиться по Америке (он с курсом лекций, она – с горящими глазами). Они объездили почти все штаты. Были и в Калифорнии, и во Флориде, и в Северной Каролине, и в Дакоте. Разве что до Аляски не добрались. Но на Аляску Галине Николаевне и не хотелось, а вот увидеть Лос-Анджелес, Вашингтон, Нью-Йорк она мечтала давно. Каждый из этих особенных городов оставил у нее неизгладимое впечатление. Столица Калифорнии показалась ей городом скорее бесов, чем ангелов: бешеный ритм, вспышки фотоаппаратов, толпы людей и жизнь, подчиненная марке «Голливуд». Вашингтон, напротив, поразил упорядоченностью и респектабельностью, которую трудно ожидать от столицы. А Нью-Йорк просто очень понравился. Чем-то напомнил он родную Москву: с разным настроением, с неправильными формами, со спешащими куда-то людьми. Тогда она подумала, что этот город, пожалуй, смог бы стать ей родным, но теперь упоминание о Нью-Йорке не вызывало ничего, кроме неприязни.

Дверь комнаты распахнулась, и в проеме показались ведро и швабра, а вслед за ними возникла и массивная фигура уборщицы Катюши. Катюша, конечно, не намного моложе Галины Николаевны, да и походит и внешностью, и манерой поведения скорее на Катюку, но такова уж привычка именинницы – всех величать уменьшительно-ласкательными именами. Катюшкой она бы даже кошку не назвала, а уж человека, каждый день в три погребели драящего ее обитель, тем более.

– Здравствуй, Катюша, – сказала Галина Николаевна и, допив уже остывший чай, прошаркала к кровати, прилегла: так уборщице будет удобнее, никто под ногами не путается.

– И вам не хворать, – охотно отозвалась женщина в свойственной ей грубоватой манере.

– Хворать? Скажешь тоже! У меня же радость сегодня.

– Какая еще? – искренне изумилась уборщица. Ну конечно, какие могут быть радости у тех, кто, с ее точки зрения, давно уже забыл умереть?

– День рождения.

– И что хорошего? – Катюша даже перестала тереть пол, оперлась на швабру и стала разглядывать Галину Николаевну, будто какое-то ископаемое.

– Ну, так праздник же, – попыталась именинница оправдаться.

– Праздник? – Уборщица огляделась с недоверием, пытаясь отыскать в комнате следы этого самого праздника, которому так радовалась хозяйка.

³ «Большое яблоко» (англ. «The Big Apple») – самое известное прозвище Нью-Йорка.

– Праздник, праздник, – раздалось из-за двери легкое и знакомое хихиканье, и Галина Николаевна торопливо села на кровати. Не хватало еще, чтобы Милочка увидела ее лежащей! Милочка почти вбежала в комнату и засеменила к хозяйке обниматься и целоваться, не обращая внимания на явное неудовольствие Катюши, на лице которой было четко выведено: «Ходят тут всякие!»

Всякой Милочка, конечно, не была. Она была родной, дорогой, любимой и очень несчастной подругой Галины Николаевны. Как-то так получилось, что всю несчастную Милочкину жизнь Галя нарисовала и себе, и ей лет пятьдесят назад во время знакомства с женихом подруги. С тех пор и по сей день испытывала она по отношению к Милочке острую, щемящую жалость и все время думала, как могла бы сложиться ее судьба, не выйди она тогда за этого неудачника – машиниста. Нет, парнем Сереня был неплохим и жену любил – это бесспорно, но условий для строительства обеспеченной ячейки общества предложить не мог никаких. Жил он в коммуналке с братом и старенькой мамой. Туда-то дурочка Милочка и переехала после свадьбы, хотя Галя ей говорила, что не уходят из отдельной кооперативной квартиры в общую государственную. У Милочкиных родителей все-таки была какая-никакая, но собственная двушка. Правда, в двушке этой жили еще бабушка и младшая сестра, но Галина все равно настаивала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.